

Александр Анатольев

Сухинские берега Байкала

Книга первая

18+

Александр Анатольев

Сухинские берега Байкала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72078295

SelfPub; 2025

Аннотация

В основу произведения положены реальные события сухинской действительности на Байкале на рубеже 19-20 веков, когда в России неуклонно нарастало внутри-политическое напряжение, породившее революционный взрыв, кардинально изменивший весь дальнейший, мировой ход человеческого развития. А на восточных берегах срединного Байкала уже полыхала в то время почти никак неконтролируемая государством золотая лихорадка. Эти два фактора, безусловно оказывали сильнейшее влияние на умонастроения и дела сухинцев. Безудержная алчность и неумная жажда наживы одних, бесправие и нищета других, как и во многом иллюзорно утопическая мечта третьих построить мир всеобщего равенства, причудливо уживалось в повседневных межличностных их отношениях. Но суровые условия жизни, потребность взаимопомощи заставляли теснее спланиваться преодолевая разные невзгоды. Тем самым все порочное, наносно-надуманное в конечном итоге беспощадно отметалось самим величественным, предназначением человеческим на Земле.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	71
Глава 6	87
Глава 7	107
Глава 8	125
Глава 9	138
Глава 10	150
Глава 11	161
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Александр Анатолев

Сухинские берега Байкала

Глава 1

Весь первый летний месяц мучун (май – июнь по григорианскому календарю) с небес не упало и капли дождя, в верховьях горного хребта Ламуды (Морской), горела тайга. Зверь покинул ее, удача отвернулась от эвенков охотников. Номоткоуль творил обряды саман, и настойчиво просил добрых духов земли и неба, всех других божеств всемогущих, простить грехи подопечных ему людей, вернуть отвернувшуюся удачу их промыслов. Духи услышали воплевызывающие мольбы, и заклятия истового служителя древней веры тунгусской.

Три дня дует, не стихая северо-восточный ветер и как в шаманском исступлении, рокочет, буйствует Байкал. Вздываются над почерневшей его бездной водной огромные волны, вскипающие в завитках своих водоворотных гребней, аквамарин белёсой россыпью беляков, точно бисером серебристого жемчуга. Гонит Баргузин мимо мыса Сухинского осветленную им холодную воду на юго-запад, вдоль северной оконечности Посольского плеса. Запирая в заливе Провал теплую «муть соровую» и речную дельты Селенгинской, отсекает он тем самым путь косякам здешней царь белоры-

бице к прибрежному мелководью Сухинского Подлеморья. Три дня рыбаки тунгусского стойбища не выходят в открытое море, три дня они всего лишь острогами промышляют скудно хариуса в горной речке именуемой ими Сукэнда, или более коротко Сукэ, бурятами Сухэ, а русскими Сухая.

Вечерело. Узкой розовеющей полоской, над просветленной синью заморских гор, растянулся закат уходящего дня. Угасающие отсветы его янтарно-багровых зарниц в Предбайкалье, слоисто вспыхнув, блекли и мелко зыбились понад глубинами расходившихся вод. Ветер к ночи, не стихая, еще больше усилился, и где-то там за морем, отрывал он остервенело и неистово от белоснежных шапок гольцов кучеряво-вспененные облачка, и нес их взвихрено-клубящуюся рвань к армадам сизо-лиловых туч, сгущающихся уже дождливо, в ярко-синеватых сполохах блескавицы, над вечерне-меркнувшей высью полуденных гор. У побережного, извиристо изломистого уреза воды – там, где в клокочущих кипящих обрушениях на берег морской волны стонет оглашено прибой, в редколесье лиственного леса, притаилось тунгусское стойбище. А над ним, под свистящее завывание ветра раскачиваются вершины вековых лиственниц сибирской тайги. Здесь она вплотную подступает к береговой линии Байкала. Но даже свирепо-могучему Баргузину, студено сквозящему в ветвисто-лохматых вершинах лесных великанов и обещающему приходом дождливого ненастья, не в силах ворохнуть приземисто тонкоствольную поросль их под-

леска, среди пышной зелени которого, в этот час опускающейся на землю тьме ночной, сразу и не разглядеть островерхие жилища кочевого отога. Всех их: тесно прижавшихся впритык и чуть отдалено разбросанных друг от друга, не более десятка. А, под старым дубасом лесиной великаном среди них, вероятно, с самой косматой и величаво разлапистой кроной на всем ближнем сухинском берегу, стоит особняком довольно просторный чум шамана. В этом жилье, с пристроенными к нему галереями, имитирующими миры во Вселенной, расплавленным жаром пламенеющих углей польщит очаг. У очага сидит, еще не очень старый и крепкий старик, хозяин жилища Номоткоуль. Его убеленные сединой волосы, вскосмачено свисают на сутуловатую спину и плечи. На нем, ни разу не стиранный и прокопченный многими дымами таежных костров ветхая рубаха, и такие же штаны, с широкими штанинами, спадающими, на столь же старые олочи. Он сидит по-монгольски скрестив под себя ноги, едва прикрыв и без того узкие щелки глаз, и не отрывая немигающего взгляда, смотрит на угли огнедышащего очага. Перебирая в руках четки, курит распаленную трубку и задумчиво, и озабочено размышляет. Углубленно-сосредоточенные мысли его, очевидно, о чем-то необычно растревожившем, неожиданно прервал легкий скрип, широко распахнувшейся дверцы чума. Склонившись, в ее небольшой размеров проем, юрко полу боком протиснулся, мужчина немногим старше лет тридцати, ниже среднего роста, не особо завидного,

но мускулисто-крепкого, стройно-поджарого телосложения. Даже в полумраке чума, в не особо ярких бликах и отблесках, рождаемых угасающим пламенем очага, под густо седеющей и свалявшейся, как войлок шевелюрой, можно разглядеть: и уже довольно обтянутый паутиной сеткой морщин, редковолосый, азиатского очертания скуластый лик; и прямой, смелый взгляд раскосых глаз; и слегка приплюснутый, с небольшой горбинкой широкий нос; и тонкие губы над чуть выдвинутым вперед подбородком; и то, что все это в совокупности в нем, выразительно и гармонично сочетается, и вне всяких сомнений выдает сильной воли, немало умудренного и закаленного суровой жизнью человека.

Перед Номоткоулем стоял у очага, приемный его сын Тыгульча, шуленга всех эвенкийских стойбищ Сухинского Подлеморья. Шаман, вынимая мундштук трубки изо рта, густо выдохнул сизый дым курева, и из-под редковолосых, насупленных хмуро бровей, вскинул на вошедшего, пронизательно-сквозящий взгляд.

– Улгурис амин (Здравствуй отец)! – преклонено кивнув головой, произнес Тыгульча.

– Авгарат бикэл омологив (Здравствуй сын мой)! – надтреснуто-дребезжащим голосом, глухо, отозвался по-стариковски Номоткоуль.

– Доровуяс он (Как здоровье)? – справился сын.

– Си дярис, дюгудус, ая бихим. (Благодаря тебе, хорошо).

– Ты звал отец?

– Садись – еще глуше, почти не скрывая своей озадаченности, предложил старик.

Шуленга кивнул головой, присел и, взглянув на него настороженно, потупился взором:

– Отец, я слушаю тебя.

Шаман мгновение, другое молчал, он, очевидно, все еще о чем-то додумывал, как вдруг резво развернувшись к сыну спиной, сгорбленно съежился и произнес вполголоса:

– Качикан, мне виделся не хорошо предвещающий сон.

Тыгульча вздрогнул, услышав свое прошлое имя. Он не видел, как старик, кривясь губами, взволнованно и жадно обхватил мундштук трубки, глубоко затянулся и, выпустив синеватые клубки и кольца табачного дыма, продолжал, в том же полуголосе:

– Из воды Ламу выходил огромный амака, белый, как снег. Он пошел на твоё стойбище, вздыбился и стряхнул с себя воду. Вода смыла в море весь твой отог.

– О, эльдэрэк..., отец, что это значит?! – встревожено воскликнул Тыгульча.

Шаман, круто обернулся к нему лицом и, сверкнув огненным блеском глаз, зашипел:

– Тыгульча ничего не слышал. Тыгульча завтра соберет людей, изберет хозяина чума. Хозяином будет Нюрмаган, ему будут помогать Уваул и Оёгир. Я буду делать сэвэкан и синкелаун, и смотреть будущее всех твоих стойбищ и тогда говорить – завершил шаман тунгусских отогов Сухинского

Подлеморья.

– Отец..., я ничего не слышал.

Тыгульча проворно вскочил и, приложив к груди ладонь правой руки, еще раз кивнул головой, и так же как вошел, едва слышно вывалился в дверной проем чума, в ветрено-ключую темень лихо расходившейся непогоды.

Обряд «сэвэкан» шаман Номоткоуль вершил только во имя благополучия подопечного ему рода, для этого он сначала обращался к доброму духу Сэвэки, одному из помощников небожительницы Энекан Буга. Оберегая тунгусов от разных неприятностей, этот добрый дух, помогая им в промыслах, посылал добычу, и они почитали его особо. На шаманских ковриках-наму, Сэвэки изображался непременно антропоморфно, но каждый эвенк представлял его по-разному: кто-то предоброй старушкой, кто-то изящной лосихой, а кто-то и красивой девушкой. Тыгульча, вырос в семье Номоткоуля, и проживая с ним в баргузинском Подлеморье на реке Кудалды, с ранних детских лет хорошо об этом знал. А когда в юности он впервые увидел будущую жену, то благостно-священный образ духа Сэвэки с тех пор представляется ему только в обожаемо-светлом её облике для души его и сердца.

Хозяин тунгусского стойбища спешил к себе в жилище, где ожидал прибытия гостей из соседней русской деревни Сухая. Он понимал, почему шаман не поведал ему вещей сон, теперь уже признанному всеми сородичами шуленге.

Номоткоуль не хочет, чтобы не добрые духи готовящие коварство стойбищам Тыгульчи, преждевременно услышали, о чем знает, их родовой шаман. Поэтому тревожным предвестием Номоткоуль поделился всего лишь с Качиканом, когда-то усыновленным им, и которого давно уже нет на белом свете. От рождения, Тыгульча по отцовской линии, происходил из знатных баргузинских эвенков рода баликагир. Он не мог помнить родного отца, погибшего на охоте в канун появления своего на свет, а уж круглым сиротой-малюткой остался, как вскоре при родах скончалась его мать, разрешившаяся им, родная племянница бездетного шамана. Вот тогда-то и взял его в дети Номоткоуль, и как принято у тунгусов, нарек младенца совсем неблагозвучным именем Качикан, что означает «щенок». Это уже позднее, как подобает настоящему мужчине охотнику, назвали его Тогдаулом и лишь сравнительно недавно получил он имя Тыгульча, вполне достойное звания родового шуленги и все сухинские сородичи воспринимают занимаемое им теперь в старшинской иерархии положение, как разумеющееся само собой. Тыгульча был внуком родового старшины баргузинских баликагиров, но преждевременная гибель отца, прервала наследственную возможность возглавлять старшинское управление рода. И все же, стараниями шамана усыновителя, добываясь утраченной власти, он стал шуленгой бродячих, но родственных между собой эвенков из разных родов: баликагир, лимагир и шемагир. Сюда же, к самой северной оконеч-

ности юго-западного побережья Ламского моря они периодически приходят вдоль восточных берегов его на плотах из Баргузина и в Сухинском Подлеморье, проживают года по два, три, а то и больше, в зависимости от удачливости их здешних промыслов.

Стойбище Тыгульчи располагалось близ устья реки, которую русские первопоселенцы Селенгинского правобережья Байкала, поселившиеся здесь, прозвали Сухая. Баликагиры в далеко давние времена именовали ее Иланэкнилда, позднее Сукэнда, а одноименную падь (илэбир) Илан-Гагил, по которой она течет, всегда считали своей родовой принадлежностью, завешанной им еще их предками. Слова тунгусского языка «илан и гагил» переводятся на русский не иначе как «три лебедя», а «илан, экнил» означают «три сестры». Не по этой ли причине у сухинских эвенков издревле бытует предание старины их глубокой:

«В давно минувшие времена на побережье Ламу, близ устья реки Иланэкнилда, в семье далеких их предков выросли и повзрослели три дочери. Так уж случилось, в то лихолетие на отог родительский напал лютый враг. И когда в неравной схватке погибли родители, то сестры продолжая обороняться, отступили по родной пади в горные верховья, где презрев плен, сбросились со скалы, но не погибли, а превратились в белых лебедей».

Тунгусы верят, что с тех пор, из-под заснеженных в поднебесьях гольцов хребта Ламуды, где обитают тех птиц бе-

локрылые души, течет не горная, речная вода, а их прозрачно-чистейшие слезы, как безутешная печаль, по родителям и детству. Эвенки, возможно, и не верили бы в эту древнюю быль, но каждому из них не раз доводилось видеть, как ежегодно, в один из весенних дней, на утренней заре, в широко разливающейся заводи устья их речки, опускаются на воду три белоснежных лебедя. Грациозно склонив головы, эти божественно-красивые птицы величаво скользят по водной глади и, завершая великолепие такого действия, взмывают высоко в небеса. Кружась над отогом прощально, они издают трубные, как стон печально-тоскливые клики и, разлетаясь в разные стороны света, исчезают из виду, точно растворившись в заоблачных далях.

И действительно на довольно обширной площади водораздела речки Большая Сухая, с трех разных сторон света, из гольцовых горных вершин выносят в центральную падь свои изумрудно чистейшие воды, три главных ее притока. Словно сестры родные, как заботливые дочери к матушке, спешат они в падь, где сливаясь воедино главным руслом, шумно, бурливо и клокотно, точно к родному и милому батюшке, устремляются к Байкалу – к великому и несравненно-прекрасному морю Сибирскому.

Напротив шаманского чума Номоткоуля, в саженях десяти, в один ряд от него стоят немногим меньше размером два чума Тыгульчи. В одном, принимает он разных заезжих купчиков, прочих иных деловых людей, а то, свершая дела шу-

ленги, выносит те или иные решения по ведению хозяйств в подвластных ему тунгусских отогах. Во втором чуме живет семья Тыгульчи из трех человек: он сам, супруга Лэтылкэк и сын Иникчу.

Родословная двадцативосьмилетней жены красавицы из рода Нямогиров, своими корнями исходившем от древнего рода Някугиров, живших в Баргузинской долине со времен баргутского исхода и от хоринских бурят из рода Галзут, в 17-м веке пришедших в Баргузин из Халха-Монголии и там отунгусившихся. Лэтылкэк давно уже уложила спать девятилетнего сынишку и одиноко, и терпеливо ожидает прихода мужа. На ее молодом, наделенном восточной красотой лице скрытым беспокойством горят черные глаза. Но она, отстраняя тревожность, пересилила себя и, коротая время, занялась неспешной перестилкой супружеского ложе. Собрала перины, столь же легкие матерчатые одеяла, подбитые пуховым беличьим мехом, кумаланы-ковры, умело расшитые руками мастериц отога, затейливым, виевато-искусным узором, присущим только им северянам и, несмотря на разыгравшуюся распогодицу, вынесла их и старательно выхлопала на холодном ветру.

Управившись, Лэтылкэк отужинала у неярко горящего очага, в тягостно давящей «на сердце» смутным беспокойством тишине. Ее пальцы рук перебирают кисточки шали из пуха домашней козы, накинутой на плечи – подарка Оськи, русского друга ее мужа. Он только что приехал к Тыг-

ульче, с незнакомым ей русским мужчиной. Перед их приездом, Лэтылкэк собрала, приготовила стол и, кивком головы выразив подобающую покорность мужу, покинула чум. Она нередко участвует в самых разных деловых его встречах, но на этот раз он ей в том отказал категорично: «Состоится, мол, сугубо мужской разговор, касающийся вероятно всей дальнейшей их судьбы». К тому же, поутру он обязан еще и организовать обряд заклания к предкам. Вот уже две недели подвластные её мужу люди на сухинских отогах живут впроголодь и Лэтылкэк, вполне осознавая всю серьезность надвигающегося голода, безропотно повиновалась супругу.

Еще весной, как только по открывшемуся водополью Тыгульча пришел из баргузинского Подлеморья и встал отогом на сухинском мысу, тем же днем к нему явился его давний знакомец Оська. Нет, они еще не были по весне близки как сейчас, дружеские отношения начались с того времени, когда Бабтин, узнав, об утрате тунгусскими рыбаками для рыбалки летней всех сетей, предложил им свои. Условия пользования выдвинул кабальные, но перед тем помог с продуктами и Тыгульча вынужден был согласиться. А дальше как говорится, глубже в лес, больше дров. Бабтин, хорошо осведомленный о золотодобыче его с китайцами, начал оказывать всяческое давление, чтобы составил он такую же компанию еще и с ним. Вот и прибыли Оська с Филантием на отог, для принятия окончательного решения по нетерпеливо ожидаемой ими сделке. Выступая инициатором организа-

ции золотодобычи, Осип не сомневался, шуленга будет тому противиться, потому как для него она более чем обременительна. Ранее самые разные вопросы с эвенками, он решал гораздо проще, «не скупился на спиртное». Но с того времени, как сухинских тунгусов возглавил Тыгульча, все во многом изменилось. Спирт теперь в любых деловых сделках с ними перестал служить весомым эквивалентом любых товарно-денежных отношений. Бабтин не привык отступаться, однако он не знал, как в данном случае поступиться. И тут его обнадежил Филонов. «Мол, тунгусы народ лесной, диковатый, как дети наивные и непосредственные. У них невероятно сильны традиции, которые они по-прежнему свято чтут. Тунгусы воспринимают все буквально прямолинейно, а если что и обязуются сделать, то исполняют неукоснительно». Этим Осип и Филантий условились воспользоваться.

Глава 2

Веселым, языкастым пламенем, излучался в этот вечер очаг в жилье шуленги. Тыгульча, сидел на кумолане, сложив под себя по-восточному ноги, когда входная дверь напротив широко распахнулась и в ее невеликих размеров дверной проем, низко склонившись и стесненно продвигаясь, шумно ввалились давно ожидаемые им гости. Оживленно переговариваясь, они, как вошли один за другим, словно выстроились в очередь, так и шагнули встреч встающему хозяину чума. Первый был возрастом лет под тридцать и побратски обнимая, пусть вскользь, но все ж таки, как и положено по-русски, при рукопожатие тоекратно лобызнул Тыгульчу. Его, наполненные небесной голубизной глаза, уже изрядно подернутые хмельной завесой от немало принятого "на грудь", заговорщицки подмигивали и излучали бахусовую благостность человека, несомненно, исключительной смекалки, изощренного хитроумия и отменных деловых способностей.

– Здорово братуха! – приветливо улыбаясь, дохнул сивушно ядреным перегаром Бабтин. Отступив слегка назад, он левой рукой, то и дело вскидываемой вверх, вначале как бы расчесывал всей пятерней свою русоволосую, коротко стриженую голову, а затем с изгибом опускаясь вниз, изменял направление её движения и сжимаемыми пальцами, приглажи-

вал короткую, такой же поросли бороду. Из-под брезентового лабошака, поседевшего от дорожной пыли, привлекаемо броско выглядывает новая чесучовая рубаша. Плисовые добротные шаровары, висло спадающими штанинами, заправлены, в ладно скроенные и умело пошитые ичиги. Они сплошь покрыты, все тем же налетом ездового, рыжеватого-серого пыльного буса. Тыгульча, приветствовал друга, куда более скупое в эмоциях.

– Менду Оська – сухо обронил он и бросил внимательный взгляд на его спутника.

Второй гость, вероятно, лет на десять с лишком был постарше Бабтина. Коротким взмахом правой руки, он скинул картуз, и в знак приветствия всего лишь слегка кивнул чернявой головой. На его смуглом, скуластом, братско-ватом лице, в редковолосой бороде, напряженно скрывается явно наигранная улыбка. Из глубоко посаженных глаз, сквозит, шарит по всему чуму, пристально тяжелый взгляд. Одет он по-городскому, не то мелкий торговец, не то довольно обеспеченный обыватель. Под старомодным сюртуком двубортного покроя с широко-отложными лацканами, шелковая зелень косоворотки, а брюки фабричного кроя и пошива заправлены в хромовые, наясненные до иссиненного блеска сапоги, так что к ним не прильнула и подорожная пыль. Пока Тыгульча окидывал незнакомца настороженно-изучающим взглядом, Осип, обаятельно цветущий, невероятно обольстительной улыбкой, представил ему незнакомца:

– Филантий Филонаский, дальний сродственник мой с Оймуру. А дядька евошный Тихон Филипыч жил в Сухой, в прошлом годе скончавшийся. Ишо должон те я сказать, ета и есь тот самый нужонный гля дела замышлэннаго нами чаловек, об кбем, баяли намедни!

И «нужонный чаловек», вплотную приблизившись к Тыгульче, дохнул всё тем же отменно-тяжелым духманом самогонного перегара, и проговорил бубнящее хриловатым, басовитым голосом, заметно сглатывая отдельные звуки произносимых им слов:

– Филантий мя кличут..., знакомы бум.

– С-до-роба Пилантий! Тыгульча гэрбив (меня зовут).

Осип же, той же минутой, точно вынырнувший из-за спины Филонова, выхватил из-под полы лабошака, с проворной ловкостью, встряхнув веером, раскинул на руках, цвета морской волны, продолговатый шелковый шарф и вкрадчиво, как кот, мурлычущим говорком, благостно проворковал:

– Тала, глянь-ка! Бяду паря, каков баской гостинец с Филантием мы те притаранили, по-вашенскому прозванью хадак ето.

Хадак, конечно же, произвел на Тыгульчу ожидаемое для гостей впечатление и, вне всякого сомнения, его взволновал. Однако, как и положено родовому шуленге, он с завидной азиатской выдержкой принял и ничуть не изменившись в лице, всего-то обласкал его потеплевшим взглядом, и тут же отложил в сторону. И хотя внешне оставался он, казалось

бы, вполне невозмутим, все же в знак уважения к гостям, ответил подобающим в таком случае, благодарственно-призвательным поклоном. А Осип тем временем, в отличие от сдерживаемого в эмоциях хозяина чума, продолжал расссыпаться льстиво-угодной дробью сладкоречивой словесности, всего-то изменяя ее вопросительную интонацию на откровенно подхалимную:

– Чо паря, жисть-та хошь как..., а друга? Хозяин ты всяго нашенского Подлеморья.

– Аяксот! Аяксот! Мал, мал Оська, да сирамно жибем. Би су эмэнэдус сот уруним (Я рад вашему приезду). Не..., ет, как по баша будит лучадыт (по-русски)? А, аха..., моя гобори рада чипка..., чито тбой пришолэ чум моя – ответственуя, путался в родной и русской речи Тыгульча, все еще не свободный от прилива тщательно скрывааемых им радостных чувств.

– Ишо бы..., ха-ха-ха..., димно ж время не видались..., никак дён пять! – смеясь все так же громко, съязвил добродушно Бабтин.

– Аха Оська, аха, горово эхит арчалдыра (давно не виделись) – ухмыльнулся и шуленга.

Проворно склонившись, он тут же поднял, как будто выдернул из под своих ног, со всей очевидностью заранее приготовленный подарочный сверток.

– Оська, моя тожи дольжён соблюдай нямада – Тыгульча, развернув его, поднес Осипу, и Филантию поочередно по

связке готово выделанных к пошиву беличьих шкурок.

Бабтин принял подарок и, окинув взглядом чум, хотел было перекреститься, но своевременно спохватился и его правая рука с крючковатыми, заскорузлыми от крестьянских работ пальцами собранными в щепотку, взметнувшись к челу, вдруг дрогнула, и свернув, тут же воровато скользнула за полу широко распахнувшегося лабошака. Находчиво поправившись, он с той же завидной сноровистостью выдернул оттуда схваченную за горло полуштоф-бутылъ самогона, и аккуратно, втиснул ее средь густо заставленных на столике, плоских чашек и других разных посудин с большим разнообразием мясных и растительного происхождения блюд. Прищуриваясь и благостно озаряясь улыбкой, Осип продолжал возбужденно похлопывать Тыгульчу по спине и плечам, при этом в который раз, то дружески его обнимал, то еще больше рассыпался смехом и излюбленными нарочито недвусмысленными словесами:

– Эх-ма, жись паря нашенска..., кумуха ее бери, сѣдни эдак, завтра так. Не с того ль людска погудка у нас ведется..., мол, не беда што голь в кармане, ежель други подсобят деньгами. Ха-ха-ха, как братуха, ладом баю, а..., али нет?!

– О, бой, бой Оська. Тбой, да уж чипка моя анда (друг). Она псегда ладна бает – в унисон весело-приподнятому настроению Осипа, столь же радостно и живо отозвался Тыгульча.

У эвенков того времени считалось особо приличным, при-

нимать и усаживать гостей в чуме, подчеркнуто молча, причем каждого только на специальную подстилку, изготовленную из лобных шкурков голов крупных парнокопытных зверей. Но при виде появившегося спиртного у старшины сухинских эвенков потекли слюни, и он, сладостно причмокивая вспененными губами, повеселел еще больше. Предвкушая его огненно обжигающий вкус, а за тем и последующую расслабленность душевную, и плотскую, он на какое-то время забылся, и принялся, суетливо привскакивая, усердно усаживать гостей за столик в один ряд с собой, да так чтоб ближе к очаговому теплу, громко причитая при этом:

– Тэгэкэллу, тэгэкэллу (Садитесь, садитесь)!

Не успел Бабтин разлить самогон, как Тыгульча, сухо облизываясь, словно нестерпимо жаждущий напиток в жаркий летний зной, с протяжным стоном, потянулся трясущейся рукой к чашке, с бело-мутноватой жидкостью, притягательно разящей невидимо дымкой летучей сивухи:

– У-уй... давай оннака скорей..., глотка мочить будим!

И все же в противоположность сказанным своим словам, он тягостно долго для русских произносил молитвы на родном языке и ритуально брызгал самогон, то на огонь очага, то на все четыре стороны белого света. Однако завершив молеbstво и дотронувшись губами краешка чашки, сделанной из березовых кочережек-наростов, умельцами искусно-тонкого мастерства его же стойбища, он одним коротким залпом запрокинул её содержимое в рот, и от сильнейшей кре-

пости, просипел сдавленно, восторженно и вопрошающе:

– Бой-ё!.. Уж да кака чипка мастер ет огонь бода делала... а?

Гостей уговаривать нет нужды, коротко задержав дыхание, «махнули по всей», узловато сморщились, и шумно выдохнув, скосоротившись, крякнули, аппетитно налегая на еду. По обе щеки набив рот закусью, Осип, отрицательно мотая головой, отвечал ухмыляясь:

– Какой там мастер..., надясь сам всю ноченьку гнал.

Тыгульча, почувствовал согревающий душу разлив телесного блаженства и торопливо поглощая пищу, неприлично звучно чавкал, и громко вскрикивая, опьяневши, причитал:

– Бой, бой..., ца-ца-ца!.. Така хэкухи (водка), моя оннако ишо сопсем не архидачила.

А Осип, все в том же благостном настроении, покатываясь глуховато звучащим смешком, беззлобно, но едко справился:

– Ужель крепка зараза..., ха-ха-ха..., как пошла, а..., а?!
Чо..., рази ишо повторить?

В отличие от Осипа, Филантий по-прежнему надменен и немногословен. Он все так же сквозит насуплено из-под воронено-косматых бровей высокомерным взглядом по убогому эвенкийскому жилью и брезгливо ежится. Но, все же, смачно обгладывая маслястую кость изюбрятны, набив рот, на предложение Осипа тут же, как эхо, хоть и затрудненно, но пробубнил незамедлительно, соглашаясь за двоих:

—Угу..., чо спра-ш-шивашь-то, давай, на-ля-вай..., всу-гонь.

Выпили по второй и Осип наполнил по третьей. Тыгульча все так же нетерпеливо потянулся было за винной посудой, но Осип, перехватив его за руку, приостановил:

— Тыгульча, однако ишо по одной, да наперва об деле надобно побайть.

Тыгульча сконфуженно всем телом отпрянул назад, а Осип, взглянув на него удивленно и чуть разжав губы, вслед за Филантием вцедил в себя сквозь зубы самогон. Суетливый и покрасневшийся, он на какое-то мгновение потупился глазами, вдруг построжал лицом и, вскинув взгляд, сощурено взглянул на Тыгульчу, заговорил:

— Вот ты, знашь сколь с моря рыбешки я высакал..., а? Не зна-а-шь?! Думаешь, с нуждишки вылез? Не-а, не холеры не вылез. С измальства она стерва клятая поядом, поядат.

Тыгульча и Филантий, удивленно скрестили взгляды. Они-то знали, в какой «нужде» прозябает изворотливый во всех делах Осип. А он, не обращая на то внимания, продолжал:

— А вот ежели задуманное дело, как нать сварганим, то ей богу, по-людски заживем!

Вскинув правую руку, он осенил себя крестом и вдруг громко и раскатисто расхохотался, да так что даже напыщенно-надменный Филантий обронил скромную улыбку. И уже горделивым, торжествующим взглядом окидывая

собеседников, вскрикнул он излюбленной своей побаской, столь притягательно обещающей томно завораживающими соблазнами:

– Эх..., вот тавды-то паря, како винцо пивать мы бум, да каких бабенек..., кралей в волюшку-то бравенных ужо поимем!

Но Тыгульча, ничуть не разделяя такой его восторженной желанности, с некоторым недоумением глянул на него, помолчал, выпил и, не закусывая, все так же молча, набив табаком, раскурил трубку. Затянувшись, он отложил ее в сторону и, сосредоточившись, собрался с мыслями и совершенно трезвыми глазами посмотрел на гостей:

– Оннако Оська, о тбоя чипка ладна гобори..., перба дела нада баить.

А Осип, с горячим блеском в глазах от еще большего возбуждения, продолжал:

– Во, во Тыгульча! Я-то знаю, как нонче ты бедуешь. Твои тунгусишки шичас шипка худо промышляют. По то намедни те и баил, што собранные нами люди, золотишко содбыть, не хужей твоего Ли Цзинсуна будут способны. Ты места знашь, нам кажешь, и ету летось по теплу нам его ужо всяко раз но надыбать надо. Филантий спиртяшки сулитса, харчишек на отог те подкинуть, а может и деньгой побалуе..., а?

Взглянув на Филонова Бабтин, сбавляя горячность, с недоумением посмотрел на того:

– Филантий, а ты-то чо помалкивашь?

Филонов от немало испитого спиртного лицом хоть заметно подрумянился, но как прежде сдержан, и насуплено сквозя из-подо лба, отвечал заметно раздраженно и уклончиво:

– А, чо об том шичас то баить, аль ужo, нисколь не доверям друг другу?

Но помолчав непродолжительно, он, как будто окунувшись в просветление мыслей, подвигал чернявой реденью бровей, и заметно сбавляя тон, продолжил много мягче:

– Я так ребята кумекаю, ежель мы шичас тутa всё добром ухитим, то мабудь и дело, в самый аккурат бесперечь у нас ладом сробится.

Тыгульча перехватил лишенный искренности взгляд Филонова и возбужденно заговорил:

– Пилантий, твоя, почто силь, виль? Пряма нада! Доля мой, кака будит?

От таких горячо сказанных слов хозяина чума, Филантий потерял деланное спокойствие, и от нахлынувшей на него взволнованности вспыхнув лицом, привскочил:

– Дык, чо загодя-то об том куделить..., ужель птицуу уж словили, да шипать взялися?!

Тыгульча машинально схватил погасшую трубку, распалил ее вновь, глубоко затянулся и, тем успокаивая мелкую нервную дрожь в руках, зачистил:

– Ли Цзинсун, псегда перба уговора делай. Она не болтай мынога, задатка псегда давай.

– Вот те нате, китаец ему задатка давай – фыркнул раздра-

женно Филантий, и окончательно сбрасывая маску наигранного спокойствия, заговорил ожесточенно, яростно – Ишь ты, каков он скороматной, а у китайца твоего кавды дела ладом слажены?.. А ты, мурло не мытое, в таком разе, поелико при фарте нам сподобен сулиться..., а? Не скажешь! А коли так, то хто ты таков..., я тя об том спра-ш-шиваю?!

Тыгульча вспылал не меньше и, подпрыгнув, ответно, суетливо и часто замахал трубкой:

– Пилантий, тбоя чипка китра. Моя не знай кака задатка..., Илан-Гакит сопсем ходи не будим..., илэбир отогда не пускай тбоя!

Осип, не ожидавший столь горячего разворота в разговоре, привскочил и с трудом усадил, не в меру расходившихся, даже не пытающихся достичь какого-то взаимопонимания, еще и не состоявшихся партнеров. Успокаивающе похлопывая Тыгульчу по плечу, с вкрадчивой улыбочивостью он любезно, трогательно глянул на него, надеясь охладить излишне ненужную его горячность:

– Ты-то анда, сколь при фарте мыслишь поиметь?

Тыгульча все еще гневно сверкая глазами, как отрубил:

– Моя не гобори..., моя сперба Пилантий слушай, будим!

Осип взъерошился и, настороженно сузив глаза, переадресовал вопрос:

– Филантий, чо все-то горланиться, вседно ж сказывать, по сколь те мыслится дележ.

– Вот те мнечиньки..., адали не знашь! – продолжая

злиться, всплеснул руками Филонов.

– Знаю, али нет, не хитри, сказывай – еще боле серьезно впялился в него Бабтин.

Филонов скособочившись, заерзался, забегал глазами и еще более злобно, кривясь губами, с трудом выговорил:

– Дык ..., зинь сам! Я снаряжу, провиант артельной, ядения тунгусам завозом справляю. К тому ж подбор златокопов почитай на mine, а оне ж сам знашь завсе с полдобытого имут. Отсея четверть без сумлений моя, а вам, стало быть, тока по осьмушке достается..., коли ты, так уж благостен перед тунгусом.

– Филантий, а ить завоз-то артельной тако ж и на меня ложится, Тала сопровождат, места кажет. В таком разе, не шипко ль димно алчешь? – взвинтился, округлив глаза от прилива негодования, и Бабтин.

Тыгульча, напряженно вслушивающийся в спорный говор собеседников, точно нечаянно озаренный светлой мыслью, неожиданно мировое положил руки на плечи гостей:

– Оська, ладна..., моя гобори. Пилантий сирамно задатка, огонь бода, карчишку отог моя бози будит. Талан упромыслим, – и он протянул руку развернутой ладонью вверх – бот мой рука..., о тогда по Пилантий уговора дели фарта согласна мой.

Осип и Филантий недоуменно переглянулись, но явно с нескрываемо желанным облегчением вздохнули, и в знак согласия, сложив с Тыгульчой едино в тройное рукопожатие

руки, произнесли наперебой:

– По рукам!

Осип живо наполнил чашки спиртным, и только что испеченные партнеры их подняли, и дружно чокнувшись, с коротким выдохом осушили. Через час веселая компания, нетрезво шумная, старательно, но в разноречивой фальшивости и протяжно голосила, понятные до боли в душе каждому из них, слова не так уж давно известной в пределах Прибайкалья песни: «Эх, Баргузин, пошевеливай вал...». А через три, Осип и Филантий, конским бродом вершинами пересекли речку Сухая, и отяжелело, покачиваясь в седлах, в кромешной ночной темноте, песчаным берегом Байкала поспешили в одноименное этой речке село. В пути Филантий громко икал и пьяно гундосил противно:

– А, пра-дееше-ви-и-лса, ты Осип..., ик. Ижно кругово..., ик..., в терех..., ик.

Осип скрипел зубами и, отмалчиваясь, лыбился столь же пьяно, но зло и уверено: «Тунгусина ушлый, а ты падла таво тошней. Ничего..., цыплят по осени считают. По то я до тя, и до орочна хитрющего..., хошь исподволь..., но завсе дотянуться сумею».

Тыгульча проводил гостей, и опьянело, спотыкаясь в темноте, с трудом нашел вход в чум. Не раздеваясь, он бессильно повалился на постель, но засыпая, произнес вполне членораздельно и осознанно:

– Лэтылкэк, Илан-Гакит в наших руках.

Жена облегченно вздохнула. Она все поняла, и не стала раздевать мужа, зная, что тому вскоре просыпаться и организовывать обряд заклятия к духам предков. Только теперь она, отстранившись от тягостных дум, позволила себе спокойно и расслабленно отойти ко сну.

Глава 3

К утру, штормовая непогода угомонилась, сильный северо-восточный ветер, сменившись на постепенно слабеющий юго-западный, принес долгожданное дождливое ненастье. Три дня, бушевавшее море нехотя успокаивалось и гребнисто ложилось в штилевую водную гладь, хоть волна его лосковая все же и продолжает размеренно и затажное набегать на каменисто-булыжную твердь береговую. Она еще долго и неугомонно будет выбрасывать туда с прибрежного дна легкую взвесь песочную, с мелкой галькой, и ею же округло окатанный и гладко отшлифованный до совершенства не обыкновенного камень «колобовник». Промозглый утренний рассвет доил из лилово-сизых облаков скупо небесную влагу, и частым ситом сеял ее нудно и мелко в побережной округе: и на поседевшую синеву утихающего после шторма моря, и на серо-зеленую унылость, угрюмо нахохлившейся тайги.

Люди, предупрежденные еще с вечера и только что оторванные от сна, согнувшись и зябко поеживаясь, спешно трусили под мелко-моросящим дождем к шаманскому чуму. Шуленга уже давно восседал здесь сидя рядом с шаманом. Они, тихо переговаривались, делясь соображениями о текущих и предстоящих делах. Чуть задерживаясь у очага, люди стойбища рассаживались, согласно строго занимаемого ими положения, в иерархии трех их здешних родов. При стиха-

ющем гомоне Тыгульча встал, обвел властным взглядом собравшихся в чуме и громко проговорил:

– Номоткоуль думает о благополучие нашего стойбища и желает сказать всем о дальнейшей его судьбе ниспосылаемой всесильно-могучими духами земли и неба. В связи с чем, мы должны сейчас свершить обряд сэвэкан и синкелаун, и заклятие к предкам покровителям. Они укажут, куда и как тропить нам дальнейший путь жизни. Для проведения обряда хозяином шаманского чума я назначаю всеми уважаемого нами Нюрмагана. Старик Нюрмаган, не возрасту молодцева-то подскочил и низко поклонился собравшимся сродственникам. Участники обряда наперебой, единодушно одобрительно загалдели и зацокали языками. Но Тыгульча, перебивая гул одобрения, поднял руку:

– Помощниками Нюрмагану будут Уваул и Оёгир – помолчав, он властно завершил речь – Сейчас хозяин чума и помощники займутся приготовлением к обряду, а мы все выйдем.

Он первым направился к выходу, за ним поднимаясь с мест, поспешили и остальные. Оёгир и Уваул достали из мешков шаманскую атрибутику и тут же взялись одевать шамана в специальную обрядовую одежду, обвешивая его колокольчиками и железными погремушками. После проведенной процедуры переодевания, шаман, как и все участники, покинул чум. Оёгир и Уваул отбили поклон четырем идолам ментая, охраняющим участников обряда от злых духов.

При этом Нюрмаган жестом руки подал помощникам знак об устройстве в чуме специальных декораций. Закончив приготовления, они последними вышли из чума на открытый воздух.

Тыгульча кивнул головой и первым в шаманский чум направился Нюрмаган. Он присел, развел в очаге огонь, затем встал, окурил помещение смесью пахучего болотного багульника и подлеморских мхов лишайников. Завершив процедуру, он раскурил трубку шамана и положил ее на столик стоящий заступом на краешке шаманского кумалана. После этого, соответственно норм обряда, встретил входящего в чум Номоткоуля. Следом в чум вошли сопровождавшие шамана Оёгир и Уваул. Они важно и чинно усадили его на особое место «малу» и присели с ним рядом на кумоланы подле очага. Окинув взглядом готовность убранства чума к обряду, Нюрмаган подал знак и в него вошли остальные участники. Они, тихо ступая, расселись и, молча, как отрешенные уткнулись глазами в огонь очага. Помощники по едва слышной команде Номоткоуля встали и, перемещая над огнем в разные стороны, легким постукиванием колотушкой, разогрели шаманский бубен и, повторно присели подле шамана, но теперь уже со стороны почетного места и со стороны входа в чум. Разогретый бубен, раскуренную трубку Нюрмаган передал шаману. Шаман откуда-то из-под себя достал и бросил в огонь несколько щепоток специально собранного для таких случаев специфичного разнотравья и определен-

ную порцию его же вложил в свою курительную трубку. Глубоко затянувшись и выдохнув, он «запасся кормом», который во время ритуального камлания обязан отдавать на остановках «тагу» добрым духам, покровителям стойбища Тыгульчи. Духи, впитывая обрядовый дым шамана, тут же принялись «вселяться» в него. Повторяя действия, тем же способом он собрал и вселил духов и в души помощников, а в завершение такой процедуры – замер, словно истукан. В чуме зависла напряженная, почти не доступная для слуха людского, тонко звенящая тишина.

И вдруг, неожиданно откинувшись назад, он тихо запел, ему тут же завторили помощники, а следом к пению присоединились и остальные участники обряда. Заунывно тоскливым, молящее взывающим голосом шаман стал призывать предков, живших здесь когда-то много лет назад, или не так уж давно, а ныне творящие добро и тем помогающие всем живущим на этой земле их потомкам. Шаман пел, собирая в бубен духов своих родовых предков и всех предков подопечных ему людей, уговаривал их, как и их «ментая», охранять его во время путешествия в иной мир. Преображенный неузнаваемо, жутко устрашающей атрибутикой и обрядовой одеждой, поющий шаман внезапно вскочил. Его лицо и без того декоративно измененное, на глазах собравшихся в чуме людей, приняло еще более страшный, злобно-жуткий вид неземного создания. Еще минуты, назад, блекло-тусклые, добром сквозящие глаза старика, вдруг дико вспыхну-

ли, зловеще заискрились, как раскаленные, раздуваемые на ветру угли костра. Все присутствующие, от неожиданно возникшей ситуации, ужаснувшись, содрогнулись и боязливо съежились. Заворожено не отводя глаз от шамана и не мигая, они ошарашенно пялились в действия, происходящие перед ними и, не скрываяемо страшась того, мелко и знобко подрагивали, и слабым полуголосьем подпевали, то усиливающимся, то стихающему, горготанному пению шамана.

Глухо гудел бубен, звенели колокольчики и железные побрякушки на одежде Номоткоуля, а он в бешеном ритме неистовствовал в танце «сэвэкэл». Дико сверкали его глаза, они были переполнены искрометным, бордово-красным жаром огненно-испепеляющей его энергетики, всесокрушающе противопоставляемой любой встречной – супротивной. Шаман бесновался в экстазе танца, как вдруг всего-то взглядом коснулся дымового выхода из чума, как тут же повалился в полном изнеможение. А его, как и прежде, всех устрашающий облик, в тот же момент оставил у очага бrenную шаманскую плоть и одежду, и на глазах всё более и более изумляемых сородичей взвился над очагом и с клубами дыма вылетел в «дымник», исчезая из виду, растворился, должно быть где-то там, в небесных высотах. Потрясенные участники обряда протяжно ахнули, и онемело, застыли от невероятного и бесподобного, но все ж таки в действительности происходящего у них на глазах.

И только помощники, ничуть не невозмутимые происхо-

дяди́м, тут же вскочили и подняли облаченную в обрядовый костюм, совсем бездыханную плоть Номоткоуля и, поставив на ноги, поддерживали её до тех пор, пока в ней не проявились заметные изменения.

Собравшиеся в чуме люди все воочию видели, как предоживлением шамана дверка чума, беззвучно и самопроизвольно отворилась и захлопнулась, а над ними к подножью очага промелькнул синевато клубящийся, призрачно бестелесный его облик. И это на их глазах вновь за пределами изумленных, он оживающий воплотил, вдруг забормотал, запел, и в ту же минуту из рта его повалила пена, и в разные стороны полетели слюнные брызги.

И снова на какое-то время шаман неожиданно замолчал, и под громовые, барабанные удары бубна принялся высоко подпрыгивать и, притопывая вышагивать мелкой поступью вокруг очага. Замкнув тем самым круг, принялся он непередаваемо виртуозно выделять разные замысловатые коленца ритуального танца, но обойдя еще раз очаг, споткнулся, остановился, и вновь дико взвыл, запел и забормотал. Ему, вторя, все так же испуганно поддерживали его пение, участники обряда. И таким манером обойдя, несколько раз очаг по кругу, шаман вторично окинул взглядом «дымник», присел, высоко подпрыгнув, и мгновенно растворился, исчез из вида участников в том же дыму очага, но горгортанное, громкое пение Номоткоуля продолжало отчетливо всем людям в чуме слышаться.

В те же минуты, все они здесь присутствующие ритуально, обмениваясь шокированными взглядами, вновь увидели шамана, только что исчезнувшего из их вида и входящего в чум, и снова гулко ахнули. А он, как ни в чем небывало, прошел и уселся на свое шаманское место, и под ритмичные удары бубна продолжал пение. Но пел тихо, и все сидевшие в чуме знали, так он уговаривает духов покинуть его и уйти в свои потусторонние миры.

Прошла минута, другая – после того как смолк бубен, следом прекратился шум побрякушек, звон колокольчиков, смолкло пение шамана и всех участников религиозного родового обряда. И в эти самые мгновения все собравшиеся в чуме, как будто одномоментное оторвались от колдовского сна и неожиданно для себя увидели совсем недвижимое тело Номоткоуля, бездыханно лежащее у очага. Оёгир и Уваул, в который раз, подняли, усадили шамана на кумалан. И он снова ожил, но так же бессильно валился, отрывисто дышал, кашлял и, уставив на угасающий огонь очага тусклый полуживой взгляд, долго и не внятно еще что-то говорил, а его, столь же долго приводили в осознанность помощники.

Успокоившись и окончательно придя в себя, Номоткоуль уже без всякой посторонней помощи раскурил трубку, и вполне разумно излучающим взглядом окинул присутствующих, и едва слышным, но вполне членораздельным, стариковским голосом произнес:

– Сюда давно идут люди изгнанные белым царем Никол-

кой из-за большой тесноты на их землях. Они придут, и будут притязать на завещанные нам нашими прадедами промыслы и угоды. Духи, благоволящие нам, не могут отвести их долгое и тяжелое тропление в наши родовые места. Духи, покровительствующие этим людям, наделили их сильной волей и горячим желанием осилить нелегкий путь и они, без всякого сомнения, помогут прийти им к морю Ламскому нашему и поселиться здесь на долгие времена.

Вечером того же дня шуленга сухинских эвенков поуправившись с хозяйственными делами вышел из чума. Саженьях в сорока от его жилья, в центре отога жарко алел углями таборный костер, возле которого суетились сородичи, а за них он был в ответе. Ночь безмолвствующее тихо опускалась на землю. На безоблачных высях, мерцающие далекими звездными точками начали зажигаться иные космические миры. Стемнело, окружающая зелень, и возвышающиеся над Байкалом небеса стали незаметно сливаться в единое целое. Ночная мгла полно обволокла все вокруг. Но вот из-за гор с юго-восточной стороны выкатился месяц, и все окружающее, полнясь желтовато-бледным светом, тот час же изменилось. Сквозь стенистую щетину леса завиднелись на берегу: причудливо-страшноватые коряги и густо усыпанный камнем горбатый бережной откос, за которым щебечущее мирно плескалась морская гладь воды, ласково играющая сонным отблеском лунного света.

Обряд «сэвэкан» проведенный шаманом минувшим днем

разъяснил людям стойбища не только то, что их ожидает в ближайшем будущем, но и без сомнений, заронил большую в них тревогу. В противоборстве с тем, со стороны шуленги нужны решительные действия, а он не знал, как в таком случае более правильно поступать и за советом отправился в чум родителя, где застал отца, рассказывающего внуку разные сказки, были народные.

– Жил, был славный богатырь Мани, творящий людям добро – душевно тепло ворковал старик – вот как-то хитрый и страшный злодей Хоглен, превратившись в лося, похитил на земле день и побежал с ним по небу, быстро унося его за горизонт. Наступила крошечная тьма, дети малые заплакали, им надоело все время спать в постельках и тогда люди, забеспокоившись, обратились к доброму другу Мани. Поспешив на помощь, тот взметнулся к небесам, нагнал злого сохатого и вернул на землю день. Однако и после этого злодей Хоглен не думал униматься. По вечерам, когда ты видишь на небе сгущенное светящуюся звездную полосу, это сохатый Хоглен в который раз, вновь похитивший день, убегая, высекает из-под копыт на небе звездные искры. А когда ты, просыпаясь по утрам, снова видишь улыбающееся солнышко, то это добрый богатырь Мани опять возвратил его людям.

– Дедушка, почему Мани возвращает день каждый раз только снова, а почему не навсегда?

– Почему, почему! – усмехнувшись, воскликнул старик и погладил внука ласково по голове – ты же не знаешь, почему

кукушка в отличие от других певчих птиц всего-то кукует?

– Нет, не знаю деда..., расскажи!

Когда добрый дух Сэвэки лишь только создал на земле все живое, кукушка красиво умела тоже по-птичьи петь. Но, как-то Сэвэки уставши очень, опустил с небес на землю, с тем чтобы прилечь отдохнуть от своих многотрудных дел, все остальные поющие птицы, понимая происходящее, принялись весело напевать и убаюкивать своего создателя. И только кукушка продолжала, не утомленно спрашивать Сэвэки о том и о сем, вот как ты сейчас меня не терпеливо. И тогда Сэвэки не выдержал, страшно рассердился, и сказал, с этих пор ты будешь только кричать Куку, предсказывая людям судьбу. Детей ты не будешь своих растить, потому что, когда им настанет время, как тебе уже скоро мой внук ложиться спать, то ты с расспросами будешь им только мешать – дедушка улыбнулся – Но ладно, беги..., беги к маме, она тебя уже наверно давно ждалась.

– Нет, ты обещался рассказать еще сказку..., про хитрую лисоньку! – заупрямился внук.

– В следующий раз, в следующий раз, дорогой мой! – и Номоткоуль обласкав его заботливо-теплым взглядом, настойчиво направил к выходу.

Иникчу покинул чум, старик, раскурив трубку, вопросительно взглянул на Тыгульчу:

– Слушаю тебя сын мой – проговорил он, едва слышно.

– Отец..., вчера спасая наших людей от голода, я на непло-

хих для нас условиях согласился вести русских в тайгу, добыть с ними золото, с тем, что бы за хорошую мзду приобрести в родовое пользование падь Илан-Гагил. Все остальное горное побережье Подлеморья, мы с тобой намеревались оформить хотя бы в охотничье пользование, но ты уже смотрел судьбу наших отогов, она к нам жестоко не утешительна. Как же в таком случае мне посоветуешь дальше, более верно действовать?

Номоткоуль некоторое время, глубоко размышляя, молчаливо курил, как вдруг углы рта его дрогнули и он, едва заметно усмехнувшись, густо пыхнул дымом:

– А ты веди русских в тайгу, золото бесполезным не бывает и только оно нам поможет.

– Но куда ..., Алтамакан (Золотой ручей)? Там Ли Цзин..., отношения портить нельзя никак с ним. В Делокан?.. В прошлом году Анчикоуль едва ноги оттуда унес? – полон раздумий и озадаченности, непонимающее растерянно, развел руки Тыгульча.

– Веди их в Бираякан – хитровато блеснул оживленно глазами Номоткоуль – Ты думаешь зря этот разбойник Ельчин, туда, так же как и в Делокан никого не пускает? Я не сомневаюсь..., золото там есть..., просто там мы его еще не нашли.

– А если не найдем, или снова этот Ельчин? – взволнованно ожег отца взглядом Тыгульча.

– Ты сначала его найди? За золото можно купить кого угодно и страшный Ельчин не исключение – докурив табак

в трубку, Номоткоуль отложил ее в сторону.

– Но можем упустить время, Тынтоев меня уже предупредил, и я не сомневаюсь Галецкий долго ждать, что мы ему обещали, не будет – еще более обеспокоенно возразил сын.

– Ли Цзинсун нам неплохо платит... В этот раз я упросил его рассчитаться не деньгами, а долей от добытого металла, думаю, этого вполне хватит – старик поднялся, повышагивал задумчиво какое-то время по чуму, остановился, сощурившись глазами на сына – И еще..., как только Уванчан вернется от тебя из Бираякана, я сразу же, по завершению летней омулевой рыбалки с освободившимися людьми, отправлю его в Кичэлинду.

– Почему не сейчас? Я и без него обойдусь – недоуменно взглянул на отца Тыгульча.

– Нет..., золото он только мыл на приисках, но никогда его не искал – возразил шаман – пусть немного побудет с тобой..., поучится. Да и потом, в Кичелинде сейчас лесозаготовщики, но Долгих мне говорил..., лес кондовый они там вырубили и их в скором времени должны переместить в соседнюю падь, по этому случаю, он ждет комиссию.

– Отец, русский поп Власий из сухинской церкви, этот раз при встрече со мной, выразил горячее желание появиться на отогах и окрестить всех наших не крещеных.

Номоткоуль какое-то время смотрел на сына неопределенно, потом поникнув взглядом, потер переносицу, и тускло мелькнув из-под лба глазами, медленно выговорил:

– Ну что ж, пускай..., только сделай так..., чтобы крестил он, в мое отсутствие.

– Так ты же всегда этому противился! – удивленно пыхнул глазами шуленга, но посмотрев на отца пристально, понял, взгляд старика говорил совершенно противное сказанному им.

– Времена меняются, как и все в этом мире – тихо дополнил слабым голосом Номоткоуль, и заметно подуставший за день сгорбленно, тяжело опустился на лежанку.

Сын, не вполне понимая, почему отец, так сникши потеряно, произнес эти слова, ворохнул бровями, и не отрывая глаз, продолжал пристально смотреть на него. Старый шаман, хорошо осознающий сиюминутное сыновне желание, махнул обреченно, устало рукой:

– Ты прав, как славно было бы прижиться на сухинских берегах Байкала, но я не сомневаюсь, нам все равно скоро придется покинуть их..., а там, в Баргузине, это как-то может быть в моей опале и зачтется перед властями – и, скрывая слезу, скупно наворачнувшуюся в его, повидавших глазах многое и не такое, резко отвернулся от Тыгульчи.

Глава 4

Антип в это утро, проснулся привычно рано, когда пред-
рассветная полумгла утренняя уже полно растворилась за
окном, а восточную окраину небесную изящно окрасило в
мягкий золочено-розоватый цвет лучисто восходящее солн-
це. Но стремительно нарастающий божий свет слабо прони-
кал сквозь стекольную зелень маленьких оконцев избы из-
за чего почерневшие от времени грубо отесанные стены, по-
толок холодно и знобко отблескивали в медленно тающей
темени избяной. В переднем углу виднелся неясно-разли-
чимый по той же причине небольшой стол, обставленный с
двух сторон такими же грубо сколоченными из дерева лав-
ками, выше которого так же расплывчато маячил иконостас,
перед которым каждое утро старательно отбивала богомоль-
ные поклоны жена Пелагея. Проснувшись ранее, она подня-
лась, очевидно, недавно, постель все еще сохраняла тепло и
запах ее тела. Сладко потянувшись спросонья, Антип повер-
нулся на спину. Из-за запечья спело и густо шибанул дрож-
жевой запах хлебного теста из ржаной муки, а следом отту-
да же, донеслось до слуха, обугливаемое потрескивание дров
топившейся печи. «Хлеб ить с вечера наладилась печь» –
вспомнилось Обросеву и он, пружинисто оторвавшись от по-
стели, уселся на краю кровати. Облачившись, поднялся на
ноги, поправив сползающее одеяло с детишек, беззаботно

разметавшихся во сне, шагнул он к столу, на краю которого лежала в черной обложке массивного, старинного переплета Библия. Взяв увесистую эту толстую в руки книгу святого богочестия, Антип вдруг вспомнил, как когда-то давно еще в юности дед пытался приобщить его к ежедневному ее чтению. Он не прекословил, но как не вчитывался старательно в величие мудростей святого писания, так и не сумел постичь понятливо смысловой нагрузки многих божественных его толкований. Не прикипел к богословскому чтению Обросев и позднее, когда женился на Пелагее. В самом начале совместной жизни их, жена из очень религиозной семьи пыталась всячески вырвать мужа из страшно грешного для нее безбожия, но вскоре узнав, к чтению каких книг он имеет пристрастие, супруга отступилась. Так с той поры он не перечил ей в божественном восприятии бытия людского на земле, она взглядов его атеистических на то же самое. Лишь занимаясь уборкой по дому, доставала иной раз она из-под кровати небольшой деревянный сундучок с запрещенной властями к чтению литературой, бережно перебирала крамольные для нее боговерующей такие книги и возвращала обратно, старательно и аккуратно смахивая малейшую с них пыль. По первости Обросев читал по ночам, запоем напролет, извлекая из них, то могучую уверенность в непогрешимости текстового их содержания, то напротив, горькое сокрушение, если не соглашался с чем-то изложенным там. Потом мучительно, долго размышлял над непонятным, или неприемле-

мым для него, а через какое-то время садился вновь, перечитывал их. Но, так и не получив удовлетворительного ответа на многое терзавшее пытливым его ум об ужасающей несправедливости жизненного устройства простого народа, как понимал он, то прекращал чтение и подолгу не прикасался к книгам. Ворохнув память, Антип, тяжело вздохнул, возвратил Библию на прежнее место и, отдернув полог занавески, разделяющий маленькую и старую его избенку на прихожую и переднюю половины, прошел в куть. Красный, пламенный отсвет жарко топившейся печи теплыми бликами весело плясал на противоположной от нее стене, на колодах окна выходящего в хозяйственный двор, на выскобленных морским песком до глянцевого желтизны широких, плаховых половицах пола. Поравнявшись с хлебной кадушкой, стоящей вплотную придвинутой к предпечью, приподнял краешек полотенца укрывающее ходившее в ней тесто и с удовлетворением заметил: «Пузырится, пышет справно, мастерица Пелагея хлебы печь, знает, кавды квашню правильно ставить, своевременно месить».

Умывшись, Обросев сел в прихожей на лавку-лежанку, обулся в летние ичижки и, накинув на себя курмушку, вышел в сени, где по левую сторону от входной двери располагалась казенка с неистребимо-застоявшимися запахами хранившегося продуктового съестного в ней. Вдоль противоположной стены от входа в дом громоздилась разная хозяйственная необходимость и прочего вещевого немногого,

давно залежавшегося и не очень. В той же стене, в маленькое оконце густо затянутое паутиной, едва пробивался свет, снаружи высвечивая слабо массивные контуры, окованный проржавевшим от времени железом сундук, высившийся на большой и пузатой, давно не используемой, бочке. Насупав привычно рукой в полу темноте дверную щеколду, Антип распахнул и, ступивший на крыльцо запахнул за собой скрежетнувшую дверь визгливо, обветшавши покосившуюся полотном и от того сильно провисшую в притворе.

Солнце золотисто весело блистало в пронзительно голубеющем безоблачной чистотой небе, на линии горизонта которого в сизоватой пелене маревой синели зазывно, привлекательно вершины дальних сухинских гор. Белесо струясь, медленно сползала с них туманная стылость ночи, хорошо заметная в более близко расположенных к деревне распадах. С северо-востока дул холодный, сильный ветер. Под порывисто стебающее его стенание высокие горы зеленовато-серых волн штормового моря, свирепо беснуясь в прибое, накатывались далеко на берег, и в шумном гуле том, отступая назад, оставляли на песке за собой медленно стекающий, точно тонко разглаженный, остаток пузырясто-шипящей воды.

Спускаясь с крыльца, Антип невольно коснулся глазом Топкинского плоскогорья с небольшими полосками хилых зерновых всходов, еще только зарождающегося сухинского земледелия, часто межеванного между собой, стенисто ле-

систыми границами. Затвердевшая земля, сохлась неплодородно как камень, более как месяц лишенная небесной влаги.

На окраине неглубокой ложбины сосед Макар Вторушин пахал пары. Свежее перевернутая черновина вспаханной земли контрастировала, на фоне вядшее поникшей листвы межевого осинника начинающего уже желтеть от засухи, за которым лежала и его пашня.

Прошлой осенью он ее распахал, а по весне текущего года впервые засеял рожью. Освобождая земельную полосу от леса под пахоту, заготовленной при этом дощатой дранью обновил он крышу дома. Огорчительно, доски хватило всего лишь на избу, за то куда более важно, Антип присмотрел там же кондово-деловую древесину, чтобы среди полуразвалившихся строений ограды этой, поставить давно желанную мастерскую столярную. С такими горячими мыслями Обросев скользнул задумчиво по ограде глазами и, придирчиво, точно впервые ее изучая, принял окончательное решение: «А вот сюда, пожалуй, и воткнем» – уперевшись в сарай с провисшими стропилами, связующий амбар и завозню.

Старое, трухлявое дранье, беспорядочно сброшенное кучей при перестилке крыши так и продолжало лежать у покосившихся от времени ворот возле лицевое скособенившегося дома, хоть и с недавних пор обновлено глядевшего двумя маленькими окнами на улицу со стороны фасада и двумя такими же с тыльной стороны на хозяйственный двор.

Справа от избы тянулись выстроенные в линию: амбар, тот самый полуразрушенный сарай, завозня и дровяник, соединяемый бревенчатым заплотом с теплыми скотными стаями и ворота в нем в огород. За стаями жердевое огороженный сенник, в задах огородных топящаяся по-черному баня. Перед ней ближе к дому, над замшелым срубом колодца, на привязанном к журавельной перекладине шесту, качалось на ветру, точно охваченное пламенем ржавое жестяное ведро. Сплошным ковром устилая, в ограде густо зеленела мелкорослая трава-мурава. На покатых заметно прохудившихся крышах придомовых строений, поверх мшистой зелени пышно охвативших их, худосочно топорщилась случайно ветром занесенная, разная, сорная трава. В пошатнувшемся заплотном ограждении два прясла с улицы из нетолстых бревешек вот, вот готовы вывалиться из пазов, основательно подгнивших в земле и повалившихся набекрень столбов. За него безотлагательно и решил он сегодня взяться.

Со скотного двора с полным подойником молока, тускло отблескивающим в лучащемся свете высоко выкатившегося из-за гор небесного светила, вышла жена подоившая корову:

– Это бяда, который день как ветрище садит, уже ль не надует и в этот раз дождика, хошь бы маленько смочило землю – сказала она, поравнявшись с мужем, и продолжала – А чо в эдаку рань-то опеть поднялся? Воскресенье ж Христово мог бы и подолее седни поваляться в постельке. Я ить, стараясь, не тревожа тя, как можно тише поднялась.

– Солнышко-то ужо, вот а и где на небе – ответил Антип улыбочиво, позевывая – Заплот на улицу вишь как пошел..., боюсь, не пал бы, да ограда с улицы не разинулась.

– Ох, ты мнечиньки! А я мимо хожу, да и невдомек на огорожу глянуть, чо с ней деется....

– Ладно..., будет горевать, гляючи поруху не поправить, не все ж по охоте ладится, многое и по нужде неволюшке. Пока зачну разбирать заплотишко, ты шагай ка в дом живее, да варгань чаек..., как сгоношится, так кликнешь.

Шагнувшая уже было на ступеньку крыльца, Пелагея приостановилась:

– Слушай Антип, а чо ето Гнедой..., стал, как быдта прихрамывать на левую переднюю.

– Вечёр ишо хотел те сказать об етом..., менять, однако, придется его, хошь и годов не так димно. А, где и на чо, конишку доброго приобрести..., давай ка чуток опосля побаем.

Кажущееся совершенно не походящие по характерам друг дугу супруги Обросевы, как нельзя лучше ладили между собой, не взирая на многие лишения и трудности, сопутствовавшие им с первых лет совместной жизни. Миловидная лицом, возрастом моложе на три года Антипа, низкорослая толстушка Пелагея, до замужества Балдакова, с косою черной как смоль, все еще нередко заплетенной по-девичьи, никогда и ни в чем не перечила мужу. Не потому что совсем уж так безвольно подчинялась ему, а далеко не скандальная, обладавшая миролюбиво простецким благодушием, она всецело

доверяла ему во всем. Он же плечистый, плотно сбитого телосложения мужчина, среднего роста, выглядел в двадцать семь своих лет намного старше. Далеко не сладкая жизнь с детских лет заметно отметилась на смуглом и несколько угрюмоватом его лице. В черных, коротко стриженных усах и бороде его, уже тонко серебрилась первая седина, а от карих и чуть раскосых глаз, под гущиной той же черноты бровей, ветвились в стороны мелкие морщины от много пережитого. Но, несмотря на мрачноватую неприветливость, мало когда сметаемую с лица, слыл он человеком довольно рассудительным и притягательно общительным во всяком разговоре с людьми. Может быть, поэтому многие побаивались не только проявления не редко крутого его характера и отменной физической силы, но и завидного острословия.

Она спасла его, как считал Антип, от мучительно-душевного разлада, когда влюблено отвергнутый Еленой Мушековой, покинув Байкало-Кудару, поселился он у двоюродного дяди в Сухой. Именно благостной простотой Пелагея сумела не навязчиво растопить сердечную его заледенелость ко всякому доброму в людях. И с той поры, как стали жить они вместе, он, почти не сомневаясь, что она ничуть не будет ему возражать, все равно держал совет непременно с ней по любому принимаемому им решению после этого житейскому.

Вооружившись ломом, лопатой и топором Антип распахнул калитку ворот и вышел на улицу. Полотно ее, проскоблив обвисшее притвором о землю, острой болью садануло

ему по сердцу. «Погоди ж, поправлю огорожу, дойдет черед и до ворот, благо вереи к вам заготовил ишо загодя» – пронеслось успокаивающее в его голове. Поразмышляв с мину-ту с чего начать Обросев, сбросил с себя верхнюю курмушку и подцепил ее на заложку ворот. Поплевав на руки, он принялся с не вполне объяснимой для себя усиливающейся жесточенностью разбирать заплотное прясло, примыкавшее первым справа к вереи ворот. Орудовал то топором, то ломом, вынимая поочередно из столбовых пазов трехсажен-ные листовые бревешки. Цельные и все еще пригодные для обновления дворового ограждения он оставлял и слаживал тут же одним штабелем, а подверженные гнилостному раз-рушению и трухлявые, пригодные лишь на дрова, взваливая на плечо, по одному оттаскивал в ограду и кучно сваливал возле дровяника.

Деревня в летнее время просыпается рано и минут че-рез пятнадцать работы его сосед Давид Макельский, открыв оконные ставни дома и торговой лавки своей, подошел к ра-ботающему Антипу, точно весь лакировано светящийся бла-гостно умиленной улыбкой:

– Бог в помощь! – бесподобно, учтиво приветствовал он.

– Доброго здоровьица и тебе – глуховато отозвался немно-го насуплено Обросев, стремясь скрыть недовольство из-за отрыва от работы, возможно и совсем никчемным разгово-ром.

– Удивляюсь сказать тебе соседушка, как же это ты так

ловко, умеешь серьезно работать.

– Да ежели б в охоту, а то ж поневоле..., не видно чо ли? – криво усмехнулся Антип – Но, а ты, как поживаешь, как торговлишка? – справился он встречно.

– Торговлишка, что она..., потребитель прет косяком, выручка валом, что может быть еще лучше, успевай, разворачивайся..., но, а на полном серьезе, иной раз – Давид помолчал – признаться..., и, и не очень – и сморщился, как будто проглотил что-то жутко кислое.

– Как так, ежели эдак у тя все ладом деется? – недоуменно и чуть ехидно произнес Антип.

– Ой, не надо, не трогай мое самое больное место ниже поясницы..., дети, жена, все что-то беспрестанно хотят от бедного еврея..., да и этот бесконечный ремонт..., тебе ли не знать, какой страшно запущенный домишко я приобрел..., да в какую конфетку его превращаю!

Дом Давид Макельский, поселившись в Сухой, приобрел у дочерей Тихона Филонова более года назад ушедшего из жизни. Простоявшее около ста тридцати лет, жильё имело это более чем жалкий вид. Грубо отесанный топором из круглого листвяка потолок, как и стены, рубленные в угол, и просевшие в землю с аршин в окладе, прогнили напрочь, особенно под двумя маленькими оконцами, слеповато взирающими на Байкал. Макельский существенно его подновил, чем при всяком подвернувшемся случае страшно гордился.

Откуда он прибыл, никто толком не знал, одни утверждали, что родом он из Польши и сосланный в Сибирь, другие, уроженец Одессы, вляпавшийся в какую-то контрабандную аферу по крупному, а третьи, из местных евреев, если располагает дружкой и тесными отношениями с кабанскими Эйдельманами, занимаясь, пусть и мелкой, но все ж торговлей.

– Так стоило бы покупать, ежели он тя по рукам ноне беда как вяжет – съехидничал Антип.

– Ну, зачем же так..., не будем очень несерьезно об этом! – отмахнулся брюзгливо Давид.

– И чо же не серьезного такого я те сказанул – в недоумение зыркнул глазами Обросев.

– Да вскинь глаза на мое обличие, я ж без моря жить задыхаюсь, затем в Сухой домишком и обзавелся, но умоляю..., сколько я за него отвалил, интерес бога ради не ко мне! – с театрально-наигранной напыщенностью важно и горделиво подвигал бровями Макельский.

– Да и не пытаюсь я вовсе – расхохотался Антип.

– Замечательно, чудесно..., зато, сколько дел и хлопот. Тебе ли не знать Антип, без больших дел и забот человек путь земной завершает безвременно..., а есть дела, заботы, счастливо и долго живет..., как дедушка мой, мир его праху, прожил много больше ста лет.

– Ужель Давидович и ты метишь не менее – скривился вновь лицом усмешливо Обросев.

– А то как..., скажу тебе с полнейшим серьезом, да и толь-

ко да! – продолжал театрално возвышенно Давид, как вдруг, точно спохватился по какой-то очень важной неотложке – Боже мой, как заговорился! Пойду я, однако, а то ты меня тут жутко утомил, там может в лавку давно уже кто-то ломится, а я и не знаю, зачем с тобой здесь уши чищу.

– Давай, давай..., народ нонче летний, ранний, может и взаправду кто уже подошел.

– Х-м, вразуми меня память..., зачем это я к тебе сегодня?.. – приостановился Давид – Ах да, вспомнил! Не могли справиться, и за сколько же ты этот домишко? – в масляной ухмылке расцвел в который раз лицом любопытствующий Макельский.

– Дык, в деремне давно ж все знают про ето и ты Давид Ильич, как вижу не без ушей.

– Что так, то так, милейший, но я, не более ж как для уточнения!

– Ну, ежель эдак, то шитай уточнил.

– О, Езус-Мария!.. Да и не в малейшем я сомнение, что ты так дешево его отхватил!

– Сказанул тоже дешево, домишко-то беда как крепко изношен.

– Всемогуций праведный, что творится на свете белом, если люди твои хотят непременно быть смешными, да разве ж это деньги! – воскликнул Макельский, как из-за угла дома Обросевых вышел неожиданно, точно вынырнул Алексей Власов.

– Кого это мы видим..., какой человек, какой человек! И куда ж Алексей Васильевич с утра пораньше ты наострился? – словно ласточка, обворожительно учтиво пролепетал он.

– К тебе Давидович, к тебе в лавку наведаться.

– Ага..., в кармане по крупному зашуршала наличность, и ты решил перебросить ее мне.

– Кака в эдаку пору у рыбака наличность может быть, кавды Варгузин еван как боронит море, не нуждишка бы, дык повалил я к те спозаранку.

– Убедил, убедил..., я весь во внимание, рассказывай.

– Топоришко у миня на загляденье добренький был, тока крепостью грешил, но в кузню к Мокеичу и стаскал его. Да тот хватил лишка, перекалил холера, стукнул я им шипчее, щека то и отвалилась. А тут как на грех работенка по дому подоспела, дык без топора ж не обойтись, да и гвоздей фунта четыре не помешало б приобрести.

– Васильевич, ну какая работенка может статья у тебя по дому, ты ж у Васьки Болдагуева лет семь уж как махануло, его сторговал, в Сухую перевез, да и давно там все отстроил.

– Все, да не все, тебе ль Илья не знать, свой дом, это ж никакды не кончаема стройка.

– Топор говоришь, щекой обломился..., так ты съезди в Загзу к Дархану, он те и заварит – вмешался в разговор Обросев. Но его тут же нетерпеливо перебил Давид:

– Скажет тоже, съезди, заварит..., это сколько же хло-

пот! – сверкнув гневно глазами – Имею изложить куда более важное господа мужики, не лучше ли купить новый! – и, ухватившись за рукав, потянул он Власова чуть ли не силой за собой – Идем, идем Алексей без сомнения, у меня где-то там еще один новенький топорик заваялся.

– «Вот балабол, натрещал, ижно голова кругом зашла. И слова-то беда как он чудно одно к другому лепит, адали сеть ячея к ячею мастерово вяжет» – удивленно покачивая головой, смотрел Антип в след удаляющимся. Насмешливый и патетично наигранный эпатаж словесности Макельского, разительно отличающийся от сухинского просторечия вызвал у него прилив хорошего настроения. И он, скидывая с плеча последнее, принесенное в ограду бревешко пригодное не более как на дрова, мысленно произнес: «Ладно, хорош гля началу робить... сходить, пожалуй, чайку, надо будет, однако, горячего пошвыркать».

Сполоснув лицо и руки у колодца в бочке с водой, из которой обычно поливали огуречные гряды, Обросев вошел в дом и скинул с себя верхнюю одежду. В кути, возле жарко истопившейся печи, деловито хлопотала Пелагея. На столе распространяли вкусно запах: пышная стопка оладий и запеканка, аппетитно дразнящая поджаристой корочкой – испеченные в печи только что в глиняных, печных плошках. В трубе, воткнутой в печной самоварник, гудел басовито, мелко подрагивая конфоркой, закипающий самовар ведерный. Дождавшись кипения, Антип водрузил его на стол свистя-

щее попыхивающий белесыми парами. Наполнив кипятком, заварил он в заварнике вместо чая березовую чагу и, разлив по кружкам, забелил томленным молоком. Пелагея, выкатила из печного устья на шесток печеную в кожуре картошку, сложила ее в деревянную чашку и поставила на стол.

За утренним чаепитием Обросевы говорили в основном, что еще можно успеть сделать до летней рыбалки по обновлению дома, в котором прожили больше года. Построенный сто лет назад Филиппом Филоновым долгое время принадлежал он Кирсантию старшему сыну его, но в 1881 году тот переехал на жительство в Оймур. Имущественный же наследователь Кирсантия сын Григорий, то же оймурский житель, владевший сухинской мукомольной мельницей и этим домом, долго не мог их продать из-за отсутствия покупателей. Но с началом массового заселения Сухой, ситуация изменилась и он не без существенной выгоды продал мельницу Илье Тарбанову, а с домом заминка, затянулась еще на пять лет. Вновь прибывающие сухинцы всеми правдами и неправдами как могли, старались строить себе новые дома, Антип Обросев тоже горел желанием возвести новый. Но, на строительство даже небольшого дома, размером: семь на восемь аршин, по самым скромным оценкам того времени тратилось не менее 300 рублей, да половину такой же суммы нужно было иметь еще и на возведение построек разного хозяйственного назначения, без которых крестьянский быт был просто не мыслим. Но таких денег семья Антипа, прожив в Сухой

восемь лет, так и не заимела. Когда же Григорий Филонов предложил ему этот старый домишко со всеми необходимыми постройками за 280 рублей, Обросевы, недолго раздумывая, располагая такими деньгами согласились. И Антип существенное его обновил, окладные бревна нижние, а с северной стороны, где-то и выше, сменил на свежие, оконные проемы увеличил на целую четверть в ширину и в высоту, обустроив фугованными колодами, окосячкой и одностворчатými ставнями. В числе первых из сухинцев в разборные с пазом рамы вставил зеленоватое стекло. И пусть эти окна все еще слабо пропускали в дом божий свет, но в те годы, это уже являлось одним из самых значимых сухинских нововведений.

Без хорошей рабочей лошади крестьянскому хозяйству неминуемо грозило обнищание, чего Обросевы допустить никак не могли, но купив дом, они израсходовали все имеющиеся у них денежные средства и лишь в надежде, что летняя рыбалка поправит семейный их бюджет, завершая завтрак, решили приобретение ее отложить на некоторое время. Такую уверенность вселяло и то, что к двум имеющимся у них омулевым концам сетей, Пелагея связала новую сетевую дель, Антип посадил ее на тетивы и этим летом, ему можно будет рыбачить, полным долевым паем с любым владельцем большой, морской сетевухи.

Восстановив не менее половины полуразвалившегося уличного забора доменной оградой, Антип, собравшись уже

на обед, увидел, подбирая разбросанный инструмент, как к нему со стороны морской приближался напрямик Иван Хамоев. Он шагал, прикрывая лицо ладонью руки, от высоко подметаемой с земли песочной пыли, кружащейся взвихренно под напорами сильных ветровых порывов. Он окликнул Обросева первым:

– Антип, постой-ка..., попредержись..., побаять бы надо безотложно.

Они, хоть и проживали не дальше как в сотне саженей друг от друга, не виделись с той поры как Антип, сославшись на занятость ремонтным обновлением купленного дома, весенними полевыми работами, отказался помогать Филиппу Ненашеву строить Хамоеву новую сетевую лодку. Горячее стремление жить как можно лучше, когда каждый из них уже довольно определенно занял общественно-жителейское свое место в сухинской действительности, случалось не редко осложняло непростые отношения бывших друзей с детства, вот и такими недоразумениями. Но все же суровые условия сухинского бытия того времени неизбежно заставляли тянуться друг к другу и они отставляя остывающие обиды, вновь спешили по всякой острой необходимости за взаимной помощью.

Все последнее время Хамоев страшно злившийся на Обросева за отказ в помощи ему построить новую лодку, ругал, как умел Антипа, жутко сквернословя в семейном кругу. Но владелец теперь уже трех больших сетевых лодок, не считая

малых, Иван заимел долгожданную возможность выставить этим летом закидной невод. За всем этим, в последние годы сильно разросшимся рыболовством, одному не доглядеть и он, долго ломая себе тем голову, решил лучшего помощника ему не найти и заглянул с предложением к Обросеву.

Подойдя вплотную к Антипу, сунул он мелко подрагивающую руку, приветствуя его:

– Здорово, как живется, можется! – заметно, суетливо кидая от него в стороны взгляд.

– Слава богу, живем помаленьку – слегка насмешливо-улыбающееся ответил Обросев, пристально глядя ему в лицо, стараясь угадать по какой же причине Хамоев подошел к нему.

– Та-ак! – растянул Иван и потянул Антипа присесть на лежащий столб бывшего заплота – Пойдем ка, потолкуем малость, дело есть важнецкое.

– Об чём..., в лодку не берешь? Так не беда, к Осипу попрошусь, надо ть не откажет.

– Погоди..., беда паря, каков гордец, выслушай наперва! – властно вскинул глаза Хамоев – Предложению хочу сделать, пойдешь ли ко мне на невод, поди, слышал, как заимел я его.

Антип, топыря рукой карман, достал кисет и косо взглянул в смуглое лицо собеседника:

– Мать моя! А кем дозвошь знать, возымел честь быть принятым? – протягивая табак.

– Ну, скажем..., навроде как правой рукой моей – завора-

чивая сигарку, ответил Иван.

– Как, правой рукой? Она ж у ты я вижу справная! – Антип расслабленно усмехнулся – А вот ежели пай мой сетевой в каку либо лодку возьмешь, простым наемным башлыком к те на невод, пожалуй, и пойду – и с плохо скрываемой радостью заискрил кресалом.

Они еще какое-то время подымили табаком, и от них резко кидаемое ветром рвались, в разные стороны синеватые паутинки искуренного, пока плутливо блуждавший глазами, не отклонялся Хамоев Обросеву с явно преувеличенным радением.

За обеденным столом Антип с приливом радостно-возвышенного настроения сообщил жене, что у них появилась вполне реальная возможность не позднее как к осени обзавестись добрым молодым конем, так как Хамоев предложил ему рыбачить башлыком на закидном неводе. Приобрести же в таком случае лошадку, как мыслит он, пожалуй, лучше всего будет у загзинских бурят. Отобедав и передохнув, Обросев продолжил восстановление заплотного ограждения дома. Ближе к завершению работы, подвернул политический ссыльный к нему, или как в деревне их называли, политик Александр Мокеенцев.

– Здравствуй Антип Демьянович – приветствовал, приостановившись, он.

– Здоровья и тебе Александр Степанович – отвечал ему так же благожелательно Обросев.

Мокеенцев высок был ростом, сух в теле, землист лицом, бородат, с заметной залысиной на голове и длинными светлыми до плеч волосами, взгляд прямой, хоть и сквозит легкой насмешливостью, но выразительно доброжелательный. Говорит высоко тенористо и прижмуривается глазами, когда волнуется. Про него в деревне говорили, что он откуда-то родом из дворянской семьи центральной России, революционер, покушался, не доучившись в университете, на какого-то державно властного сановника, отбыл каторгу и жил некоторое время на поселение в Байкало-Кударе. Года два назад, когда в Сухой еще не было постоянного настоятеля местного прихода, а посещал его не более двух раз в год священник Кударинской Благовещенской церкви, то с помощью дочери одного из тех святых отцов и поселился в деревне, сменив место жительства по разрешению власти, ссыльный Мокеенцев. Жил он поначалу в маленькой клети деревенского божьего храма, исполняя обязанность сторожа, но с появлением в Сухой постоянного церковного служителя отца Власия, был изгнан оттуда за атеистические взгляды, поселившись в небольшом зимовье, стоявшем в ограде Галастиона Ненашева. Поначалу Александр жил неприметно тихо, не привлекая к себе никакого внимания, разве что раз в полгода, приезжала к нему на недельку поповская дочка, та, которая его и привезла на жительство в Сухую. Звали ее Анастасия Туркинова, молодая, красивая женщина, примерно одного с ним возраста, лет тридцати пяти. Перед тем года два, так же как и

он, проживала она одиноко в Сухой и учила деревенских детей грамоте, теперь учительствовал он, а их отношения никого из местных жителей особо не волновали. Так разве что, узнав что-то свежее из их бытия, почешет молва деревенская языки, да и утихнет. В разговор с ними при всяком подвернувшемся случае вступали охотно, но к словам их относились недоверчиво, а кто-то и с нескрываемым раздражением, опасаясь безотчетно, как бы такие непривычные воззрения пришлых не навредили, пусть порой и гнетуще-тяжелому, но давно устоявшемуся образу их жизни. Однако с год назад стали к ссыльному захаживать все чаще деревенские мужики, причем в основном те, кто больше всего прозябал в нищете и не скрывал своего недовольства существующими порядками. Смутная, не вполне осознанная надежда, пусть и не скоро, но обязательно изменить жизнь к лучшему привела и Антипа на вечерние собрания деревенской бедноты у политика Мокеенцева. На первый взгляд ничем особым такие собрания не отличались от привычных, деревенских посиделок, те же разговоры, играя в карты, о житие-бытие крестьянском и даже выпивка горькой, правда, не так как в деревне издавна велось, а исключительно по какому-то редкостно-особому случаю, да и то, совсем понемножку.

День клонился к исходу, с еще более усилившимся ветром. Вырывающийся из долины Баргузинской стремительно, третий день разгонял он волну штормовую высокую вдоль всего срединного Байкала, гулял привольно, беснуясь, остер-

венело и мощно над бескрайней необъятностью высокогорий прибрежных, таежных. Взметал и кружил Баргузин, целые столбы мелкопесчаной пыли взвихрено, гнул с легкостью стволы столетних деревьев, а то вырывал их беспощадно из земли с корнями на побережье Сухинском. Отворачиваясь то и дело, от ветровых дуновений слепящих песчаной пылью глаза, Александр продолжал:

– Что-то давненько перестал бывать..., отшатнулся, разуверился что ли, в идеях наших?

– Так ить, делов невпроворот, рыбалка близится, посевная была, да и домишко приобрел.

– Невпроворот говоришь..., так и у других не меньше, а посещают собрания прилежно.

– Ну, дело ето вольное, посещать, али нет – нахмурившись, потупился глазами Обросев.

– Сегодня собираемся, значит можно считать, не придешь? – скривился в ухмылке ссыльный.

– Не вишь чо ли, как убайкался с етим паршивым заборишком – вспылil вдруг Антип – обсказал же те..., не буду значиться седни, что ето ишо, за такая обязательность!

Глядя, как тоскливо-стонущее раскачиваются в задах огорода все еще не вырубленные им полностью вековые лиственницы, Антип, пожалел, что так нехорошо, невоздержанно резко ответил Мокеенцеву, и хотел, было догнать Александра извиниться, как вдруг переиначил и еще более зло и напористо подступился к завершению заплотного ремонта.

Вечернее небо утратило уже полно всю чистоту утренней голубизны безукоризненной. Медленно затянулось оно высотной вначале тонко-перистой облачностью, и стремительно та, сгущаясь в полуденной стороне, засинела, клубясь там кучеряво, тягостно и свинцово перед наступлением темноты, обещая разразиться грозой и пройтись над Сухой со всей очевидностью, ливневым дождепадом. Вслушиваясь все еще в далекое и слабое громовое то громыхание, Антип подумал «Вот ежели гроза эта не абы как прогрохочет, а хорошо польет землю, то все растущее на ней, неприглядно захиревшее от засухи, обязательно зазеленеет хорошо по новому, так и грядущая революция, безо всякого сумления в корне изменит жизнь трудового народа. И тогда борец за свободу простого люда Мокеенцев, не иначе как спросит меня, а где ж ты был, когда мы настоящие революционеры двигали ее к свершению».

Стояла кромешно непроглядная ночная темнота, беззвездное небо затянуто плотными тучами, стелющимися низко над землей. Дул по-прежнему сильно пронзающий ветер, но уже круто сменившийся на юго-западный и стонущее его завывание сливалось с шумно-гулким рокотом штормового моря, все чаще перебиваемое усиливающимися раскатами

грома после синеватых сполохов приближающейся грозы. Засиделись далеко за полночь, деревня уже давно спала, Антип возвращался домой осторожно вышагивающей нож-

ной ощупью по бережной улице, примыкавшей к речке Топка с северо-востока. Впереди едва различимо маячил кустистый силуэт приречного тальника. Справа за стенисто темнеющим, ходившим ходуном от ветра мелкорослым кустарником более отчетливо проглядывался песочное стелящийся морской берег. Стукнул глухо под ногами случайно задетый камень. Не доходя до первого переулка, Антип приостановился, сквозь буйствующий рев непогоды, уловил он чутким слухом, еще неопределенно, что кто-то настигает его сзади.

Дома улицы стояли темные и молчаливые, то плотно теснящиеся, то, напротив, более отдаленно и беспорядочно расположенные друг от друга. Тоскливо чернела жердевая изгородь, примыкавшая к бревенчатому, дворовому ограждению. Отступив к одному из домов, Обросев затаился. Жалобно стонало сильно гнущееся от ветра дерево, под которым он стоял. Из глубины двора, учуяв его, забрехал хрипло-дряхлым басом вероятно старый пес. Могучий раскат громовой сухо, рокотно и протяжно прокатился по небу, а сверкнувшая бессчетно перед этим молния ударила где-то в горном хребте юго-западного Прибайкалья. Там, видимо уже давно дождевой ливень хлестал исстрадавшуюся от засухи землю.

Чуть позднее настороженно всматриваясь глазами в темень, Обросев отчетливо разглядел, как едва различимые им два конных всадника покачиваясь устрашающими, непомерно большими силуэтами, как будто сказочно, проплывали

безмолвствующее неправдоподобно мимо него. «Хто же это такие полуношныя будут?» – беззвучно пошевелил губами Антип, как вдруг эти двое, придержали коней и начали закуривать. Вспыхнувший огонек осветил лица закуривших, и Обросев безошибочно узнал Бабкина и Филонова. Оба были преизрядно пьяны, говорили невпопад сумбурно, толком не слушая друг друга. Из почти не членораздельной их словесности он понял только то, что побывали они на тунгусском отоге. «Зачем же хищники эти ездили к орочонам... не иначе, как облапошить бедолаг в очередной раз» – мелькнуло у него в мыслях. Сверкнувшая ослепительно ярко теперь уже где-то совсем над головой молния в мгновение прожгла извилистой синь чертой тьму небесную. Кони тронулись с места, и устало пофыркивая, пошли скорым шагом, а голоса их всадников резко оборвал грохнувший гром, словно мощно оглушающий залп орудийный. Крупные дождевые капли дробно, но пока еще редко падали с небес и Обросев вслед за удаляющимися конниками легкой трусцой, как можно скорее поспешил домой.

– Вот она, и избенка моя стародавняя! – негромко рассмеялся он, и при усиливающемся дожде захлопнув с силой за собою калитку, взбежал на крыльцо и отворил двери в сени.

Чуть мигнув, затеплился в печном камельке жирник, и слабый его огонек задвоился, в оконном стекле кути. Пелагея, детишки слышалось, как посапывали во снах, а находящемуся все еще под впечатлением собрания, Антипу совсем

не хотелось спать. Вспомнив о своем не так давнем прошлом, он не без удивления для себя отметил, со встречи вот с такими людьми, как Макельский, забавным разговором с которым начинался минувший трудовой день, и Мокеенцев, с кем был завершен, по существу и определен весь его жизненный путь.

Родился и лет до десяти Антип рос единственным ребенком в семье, как будто бы вполне благополучной, среднего достатка. Конечно, разных житейских неурядиц более чем хватало, но родители с утра до ночи ворочали, как могли тяжелый, крестьянский труд, то землю пестуя, то на рыбалке. Не отказывался отец и от ямщины, когда разрядка волостной избы падала на него, платили деньгами, и неплохо, и он на месяц, а то и больше исчезал из дому, ходил в обозах доставлявших продуктовые и иные грузы товаров на золотые прииски в Баргузинскую и Багдаринскую тайгу. До постройки и ввода в действие Транссиба ходили гужевые, конские обозы и по знаменитому чайному пути из Китая в Россию, и Демьян Обросев не избежал участи попытать фартовую удачу и в этом промысле.

Чай из Поднебесной через Монголию разными способами: по рекам, или сухопутными вьюками на животных прибывал в пограничный с Китаем Троицкосавск. Откуда везомый через всю Россию следовал он дальше в Европу, либо, задержавшись в Москве, или в Петербурге, многими путями развозился по всем центральным губерниям. Для этого спе-

циально создавались большие казенные караваны, возглавляемые чаще всего именитыми на этом поприще купцами первой гильдии, к которым приставлялся правительственный комиссар. Сопровождались такие караваны, как правило, хорошо обученной и вооруженной воинской охраной. Из Кяхтинской торговой слободы чай в особенности по огромным Сибирским территориям развозили нередко такие же не менее многочисленные конские обозы принадлежащие частным лицам, но уже менее титулованного купеческого звания. Частенько, чайные обозы эти возглавляли и разбогатевшие выходцы из крестьянской среды.

Зять известного в Кударе богача Бачалдина разжившийся на извозе Александр Устьянцев, как-то по заказу не менее известного в Кабанске владельца мыловарни и кожевенного производства Марка Эйдельмана занимавшегося кроме того торговлей, организовал обоз за чаем в Троицкосавск. В число извозчиков подрядился тогда и отец Антипа Демьян Обросев. Маршрут от торговой Кяхты через Селенгинск, Убукун и Верхнеудинск пролегал

в условиях суровой зимы при сильных рождественских и крещенских морозах. Но купеческая щедрость превзошла все ожидания, кроме оговоренной оплаты Устьянцев выплатил обозникам еще и приличное каждому вознаграждение. После этого уделяя внимание, как можно меньше земледелию и рыбалке, Демьян все больше занимался поездками в Кяхту.

Нанимаясь все у того же Устьянцева, сходил он в Троицкосавск раза четыре, или пять столь же удачно за самым разным товаром. А потом, точно в воду канул, все обращения матери Антипа к тем, с кем муж ходил в последний караванный путь, оказались тщетными, никто не мог толком объяснить, где и при каких обстоятельствах Демьян потерялся.

Прошло года четыре и некогда здоровая, улыбочивая и красивая мать Антипа, посеревшая лицом, сильно похудевшая и сторбившаяся от непосильного труда, с неделю не вставая с постели, скончалась, страдая, надорвано от грыжи. Оставшегося одиноким ее сына приютили престарелые, почти совсем беспомощные родители Демьяна. Единственным кормильцем и поильцем в их семействе оставался только Антип. Не ворочай он тогда в свои подростковые 14-ть, 15-ть наравне со взрослыми, пришлось бы пойти наверное по миру, собирая милость. Хватили они сполна и холода и голода, а когда дедушка с бабушкой окончательно слегли, вдруг неожиданно, негаданно объявился пропавший их сын. Схоронив родителей, Демьян никому, не объясняя многолетнее свое исчезновение, с год прожил Кударе, батрачил, как и сын у тех же богатеев Бачалдиных. Но как-то после крепкой выпивки рассказал он, где так долго пребывал в неизвестности, и предложил Антипу сменить место жительства, и отправиться вместе с ним вновь в торговую слободу Кяхта.

Глава 5

В конце 17-го века, на месте будущего село Сухая появились летние временки и зимовья русских рыбаков из Инкино, Дубинино, из других, ближайших соседних деревень. А в десятилетия первые следующего века, некоторые из рыбаков Селенгинского правобережья, уже попытались обосноваться здесь оседло, в устье небольшой, речушки Топка. Так по некоторым свидетельствам, первым сухинским поселенцем на левом, Топкинском берегу, где-то в промежутке между 1710 и 1720 годами, следует считать бывшего жителя Кудары Благовещенской Астафия Гашева, занимавшегося тогда здесь в основном рыбалкой, державшим пару ездовых лошадей, да небольшое поголовье крупнорогатого, домашнего скота. В начале сороковых годов того же столетия по соседству с ним, но на правом берегу Топки, поставил дом житель соседнего села Оймур. Это был отец Луки Симухина, имя которого осталось неизвестным. Прошло лет двадцать, или немногим более, как вряд с ним поселилась еще одна оймурская семья Евдокима Филонова. В 1780-х годах Евдоким, когда его сыну Филиппу было около десяти лет, немногим более чем в сотне саженой от береговой линии Байкала, построил на реке Сухая, первую в здешних местах мукомольную мельницу. Позднее она перешла в наследие внуку Филиппа, Григорию, который будучи жителем села, Оймур,

вероятно из-за большой отдаленности проживания, продал ее заморскому буряту Илье Тарбанову. Так было положено начало основания, и осуществление первого этапа строительства село Сухая русскими.

Однако задолго до описываемых событий, в устье одноименной селу горной реки, на побережье самой северо-восточной оконечности юго-западного Байкала, ставили стойбища охотники одного из северных народов – эвенков из рода баликагиров. С незапамятных времен, кочуя водным путем вдоль восточного побережья Байкала, приходили они, на берега сухинские из Баргузина и даже Верхнего Приангарья. А после страшного землетрясения в новогоднюю ночь 1862 года, на соседний с сухинцами мыс, позднее получивший название «Мочище» из улуса Цаган погрузившегося в байкальскую пучину пришли и поселились в 1864 году семь семей из трех родов: Абзай, Бага-Шоноев и Галзут. Однако без малого тридцать лет спустя, по решению уездной и волостной властей российских, с согласия Степной Думы кударинских бурят, «Мочищенцы», вынужденно переселились на левобережье соседней речки Загза, где немногим более чем в полутора верстах к юго-западу от деревни Сухая основали новый улус, с одноименным этой речушке названием.

На сухинское побережье буряты пришли из затопленной водой Байкала Цаганской степи, когда-то широко простиравшейся близ устья реки Селенги, на ее правобережье. В ту степь Селенгинского понизовья, их предки заморские буря-

ты Предбайкалья, перекочевали, где-то в первой половине 17-го века, из верховий реки Лена (Зулха), устьев рек Анга, Сарма, и острова Ольхон. Предбайкальские буряты, несомненно, приобщаясь к рыбному промыслу, во время летних путин, переправлялись и на восточный берег Байкала. Поэтому они, гораздо раньше русских рыбаков, появились на сухинском побережье, соответственно многие его географические названия, бесспорно, имеют бурятское происхождение. Так, скажем, слово Энхалук, правильное Ёнхалуг, корень которого «хал» с бурятского на русский, можно перевести, как мелкий болотный кустарник, а слово Загза, место богатое рыбой. Следовательно, это заморские буряты, дали речкам и прилегающим к их водоразделам болотным калтусам, названия Энхалук, Энхалукский и Загза, Загзинский.

И это тоже они – заморские буряты, быть может, когда-то впервые появившиеся на берегах соседней, с указанными водостоками, горной речки, привнесли ей такой гидроним, как Сохээ, заимствованный ранее у эвенков и перетрансформированный в их родном языке. Сохээ – означает заболоченное место, поросшее редколесьем и кустарниками. Вероятно, изначально оно было применительно только к мелко заболоченному сухинскому побережью. А оно и в последней четверти 19-го века, т. е. в период массового заселения русскими, выглядело совсем не так, как сегодня. Открытые, безлесные береговые пространства, и в настоящее время все еще привычно называемые сухинцами «Утугами» и «Песками»,

в то время попросту отсутствовали. Уровень Байкала был значительно ниже, а линия уреза воды проходила, там, где в нынешнее время плещутся байкальские волны. Сразу же за береговой, песчаной полосой начинались мелко заболоченные низины. А далее, вдоль прибрежных гор, широкой лентой опоясывал ее дремучий таежный лес.

Не вызывает сомнения и то, что именно голоним Сохээ стал применяться и к берегам устья горного ручья, который русские позднее поименуют Мочищем. Наверно не случайно будущие Загзинцы называли свое первоначальное место проживания в Сухой, точно так же, как Заморцы Сохээ. Со временем это привнесенное название прижилось применительно не только к соседней горной реке, но и местности, прилегающей, к ее водоразделу, т. е. пади, в верховьях которой она берет начало, и по которой главным руслом несет свои воды к Байкалу. Русские рыбаки, впервые высадившись на каменистые и сухие берега данной речки, отлительно разнящиеся с заболоченными берегами Загзы и Энхалука, со всей очевидностью такое название истолковали совсем иначе и применительно к созвучному исконно русскому слову. Переняв название, вероятно, вначале всего лишь местные, а со временем и все жители юго-западного побережья Байкала, не значительно трансформировав его, стали произносить уже повсеместно, только в топонимике русского языка.

К началу 19 века Филоновы построили рядом с первым второй дом, в котором проживал с семьей Кирсантий по-

взрослевший старший сын Филиппа. В 1846-ом в Сухой поселились еще две семьи из Дубинино, Ермилы и его младшего брата Финоеда Черниговских, а лет через пять Владимира Рогова, до этого проживавшего в село Оймур. Так с их поселением стало проживать здесь уже шесть русских семей. Но в 1881 году Черниговские, во время большого шторма на Байкале потеряли троих членов своих семей, и многие из сухинцев покинуло ранее хорошо обжитые уже ими сухинские берега. Таким образом, до середины восьмидесятых годов 19 века в Сухой, когда вернулась семья Евдокии Черниговской с сыном Сергеем, вышедшая замуж в деревне Инкино, проживало оседло, всего лишь одна семья Тихона Филонова. Так заканчивался первоначальный период основания село Сухая.

Конец восьмидесятых и первые годы девяностых указанного выше столетия, ознаменовалось тем, что началось как бы повторное, причем массовое заселение русскими села Сухая. Сюда они стали прибывать, теперь уже из разных сел практически со всего понизовья реки Селенга. В 1889 году из Кудары приехал Дружинин Гавриил Петрович, а из Шигаево Мошкин Егор Федорович, через год из Красного Яра Макар Вторушин, братья Ненашевы Галастион, Филипп, Лаврентий, Герасим и их зять Алексей Власов. В период с 1890 – по 1895 г.г. прибыли: из Корсакова Темников Петр, из Байкало-Кудары Чирков Иван, Обросов Антип, Иванов Иван, из Быково Куржумов Федор и Пермяков Василий. В следующее

пяatiletie поселились семьи: Кобылкина Прохора, Лобанова Кирилла, Хлызова Астафия, Обросова Ефима, Лебедева Семена, братьев Куржумовых Василия и Прокопия, Макельского Ильи. В результате к началу второй половины описываемого десятилетия, в Сухой числилось уже свыше 150 человек, проживавших в 30-ти семьях. Сухинские новоселы этого времени происходил в основном из наиболее беднейшей прослойки рыбаков Селенгинского понизовья. И это в их числе пришли из Байкало-Кудары и поселились в Сухой Антип Обросев и две семьи молодоженов: Ивана Хамоева и Осипа Бабтина.

У сухинцев долго отсутствовало нормальное сухопутное сообщение с остальным побережьем юго-западного Байкала. Дремучая тайга, зыбучие бережные пески и топкие болотные калтусы, особенно Дуланский, еще более чем столетия будут трудно преодолимым препятствием на пути в Сухую. Но, несмотря на это Антип Обросев, Иван Хамоев и Осип Бабтин, в числе второй волны сухинских первопоселенцев рвались в эту, казалось бы, забытую богом местность, чтобы опираясь на взаимопомощь и дружбу, сложившуюся с ранних, детских лет, выбиться из нужды. Еще один их сверстник и друг Андриан Мушеков, отец которого ранее разбогател торговлей на рыбе, переехал в Сухую, движимый несколько иными мотивами. Но не все состоялось, так как мечтали друзья когда-то. Спустя годы, вопреки всему ожидаемому, здесь в Сухой, вероятно, волей характеров, и даль-

нейших тернисто-извилистых судеб, складывающихся, подчас так непредвиденно, из личных и общественных взаимоотношений, жизнь превратила их, некогда близких людей, кого в деловых соперников, а кого-то и в яростно-непримиримых врагов.

Прибывшие в Сухую новоселы первой массовой волны, стремились селиться в непосредственной близости к водной кромке побережья Байкала. Поэтому строящаяся параллельно береговой линии первая улица села получилась более-менее прямая, и на ней к середине девяностых годов 19-го века, располагалось уже свыше десятка жилых домов. Как таковых огородов еще не было, а были огороженные жердевыми изгородями придомовые участки земли, зачастую с так и не поваленным лесом. Здесь же, на этой улице, силами и средствами рыбаков из ближайших деревень, через пятнадцать лет, напротив места гибели семейства Черниговских в знак их памяти, была возведена часовенка, а затем деревянный, небольшой, православный приход, нареченный во имя святых апостолов Петра и Павла.

В описываемое время уровень Байкала был значительно ниже, а его береговая линия проходила, там, где позднее, немногим менее столетие спустя, стали плескаться байкальские волны. Сразу же за песчаной полосой сухинского побережья, начинались заболоченные низменные места, густо поросшие непролазными зарослями тальника, мелким кустарником и разными болотно-лесными травами дикоросами. В

них водилась различная пернатая, перелетная птица и большое разнообразие дикого животного мира. Не случайно, при щедром природном изобилии, царившем в первые годы основания села, в здешних девственно-непролазных чащобах, сухинские мужики устраивали охоту, даже на лосей. Но, а в небольшом удалении от заболоченных береговых низин, вдоль всего байкальского побережья, начиная от подножий прибрежных гор, и далее по их склонам и плоскогорьям, широкой полосой тянулся смешанный, лиственный лес, уходящий в бескрайнюю таежную даль горного приволья необъятного Сухинского Подлеморья.

Поэтому следующему притоку новоселов, прибывшему в это же десятилетие, пришлось строить дома уже в глубине описанного выше лесистого побережья, или фактически в задах огородов, прилегающих к домам первой, береговой улицы. Новостройки продвигались все дальше от берега и дома новоселы рубили и ставили там, где кто и как хотел. Поэтому вторая улица, возведенная в половину десятка домов, получилась невообразимо искривленной, хотя и строилась, казалось бы, параллельно первой. Каждый вновь прибывший старался строиться, как можно дальше друг от друга, а из-за межевых перелесков, делящих земельные участки новостроек, не видно было даже, где стоит ближайший дом соседа. Село строилось в разные стороны бесплановое, и все же необходимость прямого выхода со второй улицы к побережью Байкала, диктовала обязательность обустройства

уличных переулков. Если вести счет по порядку, начиная от въезда в село с юго-западной стороны, то к описываемому времени лета 1897 года их насчитывалось три.

Первый напротив церкви, где в конце восьмидесятых годов поселился бывший каторжник Непомнящих Осип Игнатьевич. С сыновьями Егором, Прокопьем и прибывшим с ними троюродным племянником Осипом, он первым из числа переселенцев волны массового заселения Сухой срубил в этом переулке маленький домик. Больше нищенствуя, занимался Осип Игнатьевич с сыновьями раскорчевкой чужой земли, а троюродного племянника Оську прозванного по уличному Хабой, отправил батрачить годовым работником к состоятельным односельчанам. Некоторое время спустя, рядом с домом Осипа Игнатьевича построился родной дядя Хабы, Анисий Непомнящих, с сыном Акимом. И на протяжении многих лет в этом переулке больше никто из вновь прибывающих не селился. Второй переулок возник почти на двести лет раньше остальных, там, где когда-то начиналось село, а третий в сотне сажений далее на северо-восток от первоначального, с началом первой массовой волны заселения. Во всех трех переулках насчитывалось полтора десятка домов. Бывшие кударяне Осип Бабтин и Иван Хамоев, для строительства жилья выбрали третий переулок, и их возведенные дома, оказались разделенные только проезжей частью улицы, стоящие чуть наискосок напротив друг друга. Позднее, становясь хозяйствующими состоятельными, возве-

ли они немного поодаль от своих домов, по одну уличную сторону с сухинской почтовой станцией постоялый двор, гостевую избу, подобно известным в России трактирам и торговую лавку с прилагающими пристройками и постройками к ним. Хамоеву принадлежала лавка, Бабтину гостевая изба, а принадлежность постоялого двора, новоявленные предприниматели делили на равных долевых паях.

Андриан Мушеков с братьями Лекандром и Гавриилом появился в Сухой десятилетием позднее друзей своей юности и молодых лет. По воле столетнего родителя Ильи, поселился он на левом берегу устья реки Сухая, там, где в начале девяностых годов обосновался мельник с Ольхона Илья Тарбанов и приступил к домашнему обустройству родственным, отдельно-замкнутым хуторским особняком.

В период первого массового заселения Сухой, началось активное освоение прилегающих к селу земель и на левом плоскогорье в пади Топка, первые сухинские земледельцы принялись валить лес под распашку полей. Стремления во чтобы то, не стало жить в достатке и вырваться из нужды, а в таких случаях не минуемо возникавшее деловое соперничество, двигало действиями и поступками людей, подчас порождая нездоровую атмосферу зависти, а вместе с ней и безудержную алчность. Поэтому новоселы первой волны массового заселения Сухой, старались захватить все ближайшие к селу лучшие участки земли, даже если для вырубki вековой тайги и разработки таких земельных участков у них не

имелось достаточно сил, средств и времени. Так как пахотное земледелие считалось высоко затратным, то оно еще какое-то время находилось в начальной стадии своего развития. К тому же ранние весенние и осенние заморозки не давали созревать хлебам и в первую очередь пшенице. Это чаще случалось на полях ближе к Байкалу. Тем не менее, затратив много нелегкого труда на освоение земли, большинство сухинцев не хотели расставаться с ней, и поэтому сеяли вынужденно в основном рожь и ячмень. В результате потребляли хлеб больше черный из ржаной муки и зачастую солоделый. Недостаток пшеничного хлеба восполняли, путем мены рыбы на зерно пшеницы. Многие сухинцы были разочарованы такими неблагоприятными обстоятельствами еще не так недавно выбранного ими местожительства, и практически в те же первые годы массового заселения села, покинули его.

Со скотоводством было значительно проще. Для зимнего содержания скотины требовались, прежде всего, сенокосы с хорошими травостоями и некоторые из сухинцев преуспели развернуться. Они самовольно захватывали и присваивали все подходящие в ближайших окрестностях, травянистые прогалины и редколесья, не требующие больших затрат на расчистку. Кроме самовольно захваченных лесных полей под сенокосные угодья, для сенокосения ими использовался и Загзинский калтус. Но все же здесь, в топком болоте косили сено больше те, кто не имел в достатке лесных сенокосов. Выгоны для скота были общими. Скот пасся без пастухов в

лесной деревенской округе. Поэтому нередко таежные хищные звери: волки, россомахи и медведи нападали на деревенских околичных выгонах, на пасущихся коров, случалось и на лошадей, и наносили ощутимый урон.

Не случайно, как и более ста лет назад, доминирующим занятием в Сухой по-прежнему, оставалась рыбалка. При хорошей организации и удаче, она приносила неплохие доходы. Поэтому по примеру кударинских, корсаковских и оймурских богатых рыболовов, состоятельные рыбаки сухинцы кроме сетевых лодок, стали заводить и закидные невода.

Вся бригада большой сетевой лодки составляла восемь паев, где обычно два пая приходилось на рыбацкий стан, оборудованный кухонным инвентарем. Остальные шесть считались сетевыми, и они приходились все либо на хозяина рыболовецкого стана, либо на его дольщиков из числа рыбаков, имеющих хотя бы один и больше сетевых паёв.

Закидной же невод составлял от тридцати, до сорока паев. Сюда входил невод с мотней, неводник большого размера, представлявший собой плоскодонную лодку, именуемую несколько странно для здешних мест рыбаками «эстонкой», спуск, два спусковых подъездка, большая морская многовесельная лодка, одна средняя гребная, две малые лодки и две коногонные лошади с воротами. Основной долей такого имущества от двадцати, до тридцати паев владели лишь единицы самых предприимчивых сухинцев. Однако к описываемому времени было немало и таких, кто сумел занять от

одного до четырех паев сетевых и даже до половины десятка паев неводных. Такие рыбаки выходили на летнюю рыбалку непременно на долевых паях, как в сетевых, так и в неводных бригадах. Так сухинский рыбак Кирилл Лобанов имел в неводной бригаде оймурского богача Евдокима Филонова долю своего участия в три пая. Кроме того держал Кирилл все пай и в своей сетевой лодке, строил дом и сумел к тому времени распахать две десятины пахотной земли на левобережье устья реки Сухая. Лелеял Лобанов надежду расширить её со временем и приобрести конскую жнейку хлебов. Состоятельность в хозяйствовании достигал Кирилл упорным трудом и честным отношением к рыбакам рыбачивших в его лодке по найму, чего нельзя было сказать о некоторых других состоятельных рыбаках, односельчанах.

В Сухой в число самых богатых, первым выбился Иван Хамоев. Прилагает все усилия и старания не отстать от него и Осип Бабтин. Правда, пока еще слабовато тягаться Бабтину с соперником односельчанином, имевшим более половины паев на одном только закидном неводе, принадлежащим с весны текущего года ему, да столько же на трех больших морских, двух малых рыбацких лодках. Однако Осип тоже не сидит, сложа руки, и этим летом, в канун первого омулевого привала, сдал в пользование, на условиях, с половины добытого, три сплава новых сетей тунгусам Тыгульчи. А у себя на сухинском берегу, на правобережье речушки Топки, как раз напротив своего дома, он еще с весны успел

выстроить пристань, пусть пока что единственного, но уже единоличного сетевого стана. И это в его сетевой лодке ходит Леонтий Меркушов, и не как у большинства других, на долевых паях, а простым наемным башлыком, что для многих, в том числе и для самого Бабтина оказалось большой редкостной удачей. Такое пусть не часто, но случалось здесь нередко. Рыбак не сумевший выкарабкаться из долговой кабалы, или, пережив на море штормовую стихию, даже из самых бывалых и опытных, лишаясь рыбацкого снаряжения, вынужден был, как наемный батрак идти на рыбалку по найму. И все же таких рыбаков, как Леонтий Меркушов были единицы, и их любым способом старались привязать к себе как можно ближе те, кто сам старался не выходить в море, а всего лишь занимался ее организацией, или куда чаще скупкой и торговлей рыбы.

Тем не менее, за летний сезон рыбалки, даже рядовому рыбаку по найму доставалось не так уж и мало. Порой случалось, добывал он и солил рыбы два, а то и три, семи пудовых, рыбных лагуна. Лагун оценивался в десять рублей, четыре лагуна омуля стоили цены лошади, а доброй ездовой порой доходила до сотни рублей. Иван Хамоев за предыдущий

летний сезон рыбалки добыл свыше двадцати пудов рыбы, не считая причитающейся рыбакам по паям и долям по найму, а Осип всего лишь около половины его улова. Иван, когда-то такой же бедняк и голодранец, как и Бабтин, за короткий срок построил огромный дом, заимел свыше пяти де-

сятин пашенной земли, от продажи рыбы расширил хозяйство больше, чем кто-либо из сухинских мужиков. Скота он держал только дойного десять голов крупнорогатого, семь езжалых лошадей, не считая молодняка. Купил сенокосилку, хлебожнейку, и намерен даже приобрести зерномолотилку. Осип заметно уступал ему в богатстве. А это и не давало ему покоя. Правда, он тоже построил добротный дом, имел немалое подворье со скотом, а для ухода за ним, и для других хозяйственных нужд и рыбалки, содержал в последнее время три годовых работника. В годовых работниках жили в дворовых постройках его те, кто не имел собственного жилья и семьи, нередко ссыльные и беглые каторжные. В наемные же работники, шли, как правило, батраки односельчане, а то и из соседних сел. Не гнушался Осип привечать на постоянную, или временную работу даже нищими, бродячими людьми. Не брезговал Бабтин и отпетыми уголовниками, лишь бы отвечали они ему лояльностью, и способны были выполнять самую нелегкую физическую работу. И все же многое Осип достиг личными стараниями, как дельный и изворотливый в хозяйствовании человек, обладающий невероятной изощренностью и смекалистым умом, пусть даже и эксплуатирующий полудармовой чужой труд. Однако немало достигнутое им все это в короткие сроки, так и не приносило желаемого удовлетворения. Грезил Бабтин давней, заветной мечтой, стать самым состоятельным и богатым хозяином не только в Сухой, а желанно во всем понизовье Се-

ленгинском, что не давало ему никакого покоя, и тем, точно червь безудержно точило чрезмерно ненасытное его самолюбие.

Глава 6

Юго-западный ветер, принесший долгожданное дождливое ненастье, угнал далеко за мыс Толстой холодную воду Байкала. А на стыке ее с теплой, начиная от мыса Облом, гонит он поносным течением, туда же к мелководью сухинского Подлеморья воду соровую замутнённую. И на подводных песочно-плоских площадях северной оконечности Посольского плеса разгульно и вольно жируют косяки пришлого омуля. Они подошли здесь почти к самому берегу и на мелкоглубье, всплескиваясь игриво, над посеревшей от небесной влаги гладью моря, собирают свою излюбленную поедь, мелкий бокоплав «Ир». Погуляет на сухинских площадях омуль суток трое и так же как появился, снимется в одночасье, и уйдет отсюда известными только ему одному, да самым опытным рыбакам, путями летней миграции его. Сыскать?! Пойди, угонись. Недаром в народе здесь говорят, такие дни год кормят, и от того в прибрежных деревнях стоит в этот период шумный и ажиотажный

гомон рыбалки. Все деревенские, от старого, до малого, заняты рыбным промыслом. Начиная от мыса Облома, на всем песчаном побережье, и даже далеко на северо-восток за Сухинский мыс, разбрелась суета летней омулевой путины. Пришла она, расселилась по всем рыболовным стоянкам, пристаням, сетевыми бригадами, и артелями закидных нево-

дов. Привела сюда летняя путина и рыбаков из отдаленных деревень, со всего речного понизовья Селенгинского. И на сухинском берегу, не смотря на мелко-морозящую сырость затяжного ненастья, стоит, едва умолкающий на ночь, ажиотажный гул путины.

С десяток сухинских и загзинских сетевых лодок, заходят гребями и где-то там, почти напротив Энхалука, выстраиваясь густой вереницей, плывут вечерней порой на северо-восток они одна за другой, всего в каких-то саженьях семи, восьми глуби подле берег. А в каждой лодке по шесть, а в иной даже и по восемь рядовых членов бригады и сеть верховым плавежом, на длинных ушах тянется за лодкой. Там же в ее корме, озабоченно и важно восседает лодочной бригады башлык.

Первыми сегодня на сплавной замет вышли две лодки сетевых бригад братьев Ненашевых, в одной Лаврентия, во второй Галастиона. Следом плывут еще две лодки Ивана Хамоева, где башлычат Мошкин Егор и Хлызов Астафий, а за ними как по пятам тянется сетевуха Алексея Трескина, с которым, на паях с весны рыбачат ныне Алексей Власов и его сын Кузьма. А между шестой и восьмой, где бригадируют Иван Иванов и Феодор Куржумов, поспев втиснутся, плывет лодка башлыка загзинцев Михаила Бабушкина, принадлежащая Мухубуну Татарову, и его компаньону Ивану Дарханову. Стелется на замете за борт лодки и ячеистая сеть Петра Темникова, в которой рыбацкими делами давно завоора-

чивает его, смысленный и деловой не по годам сын Никанор. Как не подгонял рыбаков Леонтий Меркушов, но сегодня его лодка только что, едва сумела выгрестись к замету, и выстроилась очередной, лишь замыкающей в описываемой веренице. Сеет мелко дождливо хмарь ненастная небесную влагу сверху на поседевшую от дождя и безветрия морскую плену водной глади. Покачивает она лосковой зыбью рыбацкую лодку и Меркушовскую, а Леонтий пристально изучающее вглядывается зорко в морскую, белесую проседь. Ему ли опытному рыбаку не знать, там, где эта седоватая гладь воды пузырится, как будто кипит, там взыгриваясь, пасется стадное косяк омулевый. И он раз, за разом касаясь донной площади намерником, сажеными махами вымеряет плавежную глубину. Но вот наконец-то подобрал подходящее к замету место, он суеверно и богобоязненно крестится, и вполне уверенно, с легкой хрипотцой в голосе, громко командно вскрикивает: – Бросай наплав!

Слышится легкий всплеск, а следом булькнувший звук воды от погружения концевого груза, и сеть ровно пошла за борт. Ловко и проворно работают в лодке люди, мечущие ее и подгребающие веслами. А сплав, шурша цевками и звучно постукивая о борт гальками обеих тетив, вытягиваясь, медленно погружает в водные глубины ячеистое немудрено-плетенное хлопчатобумажной нитью полотно. И вот за сетевой мерно покачиваясь, выстраиваются на воде полукружьем наплавыв, а под ними подводная такой же дугой полощется

ячеистая дель. И понесло сетевой сплав, привязанный ушами к рыбацкой лодке поносное течение, в свободное плавание по-над прибрежными, глубинами Байкала.

– Слава богу, кажись, потрапили! – который раз подносит к челу, щепоткой сложенные пальцы сухинский рыболов Леонтий Меркушов.

Довольно улыбаются, и все еще не отошедшие от волнительного напряжения, только что управившиеся с сетевым заметом его подопечные. Осеняются крестом и многие из них:

– Пособи осподи упромыслить нонче омулька!

– Вчерась по всем приметам фарт тако ж сулило, а што толку порожними с моря вышли.

– Так ить гламно ж потрапить!

– С кем хошь об заклад бьюсь, а нонесь фарт по-всякому должен быть!

– Хы... , хто бы спорил, седни может и взаправду подфартит!

– Подфартит, так ужо истинный бог как след разговеемся!

Вера и надежда, подкрепляемые многолетним рыбацким опытом, все больше лелеют затаенную уверенность в фарт и удачу. И витают эти неизменные спутницы рыбаков по всей лодке незримо в крылато окрыляющих смешках довольно подуставших рыболовов.

Случается сеть выбирается и преждевременно, в зависимости от сплавки, удачной или не очень. И все же заверша-

ющий, лодочно-сетевой плавеж заканчивается, как правило, где-то в предутренней мгле, перед самым рассветом. А там где он заканчивается, сеть в лодку идет, в случае удачи, словно густо серебром утыканная, подчас еще животрепещущим омулем. И на этот раз действительно, не подвел многолетний опыт Меркушова, и фарт не миновал стороной счастливых от добычи рыбаков. Быстро и сноровисто тянут из воды верхнюю и нижнюю тетивы, с цевками и гальками опытные и не обделенные силой рыбаки. Выщелкивают споро ячейник те, кто отбрасывает, собирает улов или, подбирая, укладывает полотно сети на дощатый лодочный настил. А над ними, с кормовой шакши, все так же высится, как грозовая туча, вездесущий башлык. Его гневные окрики, обильно сдобренные громогласием жутковато отборного русского мата, грозно гремят, разносятся по лодке, подгоняя, то на миг зазевавшегося, то кажущегося ему, не очень расторопного рыбака. Кто-то откровенно побаиваясь, трепещет перед ним учтиво, а кто-то не особо, лишь зло поругивает его про себя, но все как один, выражают беспрекословное подчинение, независимо от того уважают они его в самом деле, или нет. Башлык здесь и сейчас – полновластный хозяин, всех дальнейших их рыбацких судеб властелин.

От мыса Мочище верховым "плавежом" растянулись лодки Ильи Тарбанова заморского бурята, или Абызая, как он представляется нередко, хозяина водяной мельницы хлебных зерновых, выращиваемых земледельцами почти всего

низового правобережья реки Селенги, что стоит на речке Сухинской. Родом Тарбанов ольхонский, но лет семь как живет на

левобережье устья этой горной реки, в метрах в ста от береговой линии. В период мукомола на мельницу приезжают хлеборобы не только из понизовья правобережной Селенгинской стороны, но и заморские жители, прежде всего островитяне Ольхона. Дело мельника и рыбака Ильи Тарбанова выгодное, и он нанимает людей на работу, как при больших завозах зерновых на мельницу, так и на весь период промысла летнего рыбного. Работали у него в основном жители бурятского улуса Загза Балдагуевы, Бабушкины, Бахаевы, Буиновы и другие. Но не редко нанимаются к нему и сухинские мужики.

Более чем с десятков закидных неводов расположившись на песчаном берегу между мысами Облом и Сухинский, не считая многочислиие сетевок, цедят байкальскую воду. В Налетовской, гоняют коногоны по кругу лошадок неводных башлыков, богатых толстосумов братьев Гашевых и Хребтовского из Корсаково, перематывая тумбами конских воротов, укладывают кольцами веревочные спуски из толстых, смолено-травяных канатов, быть может, самых больших здесь закидных неводов. От зари, до зари «денно», а то и «ночно» тянут артельные бригады рыбаков, едва передохнув, паевые, но чаще своих хозяев закидные невода. Здесь тоже башлык артели всему голова, здесь тоже звучит его во-

левая команда, остановить ворот, или погонять лошадь. И сдавленно, но далеко по песчаному берегу раздается и слышится его голос: «Пята стой... , река тяни!», или: «Река стой, пята тяни!», в зависимости от прибрежного поноса воды, закружки невода, или занимаемого местонахождения его концевых крыльев. От Облома и до Энхэлука расположились в основном кударинцы и рыбаки из других отдаленных от Сухой, прибрежных деревень, а от Налетовской и до загзинского улуса безраздельно хозяйничают три закидных невода оймурских братьев Филоновых Евдокима, Герасима и Филантия. Здешний рыбацкий плес давно арендован ими у монастырских хозяев. Кроме того две сетевки Филантия этим летом пристали на время путины к сухинскому летнику Гаврилы Дружинина. Степан Трунев, Алексей Березовский в башлыках у него ходят. Там же у берега в Сухой, стоит, едва покачиваясь на воде большая морская парусная лодка все тех же Филоновых, по всем видам готовая хоть завтра же загрузившись свежим уловом, сняться с якоря и под парусом гонимая попутным ветром, либо на веслах, спешно идти в Иркутск, чтобы вернуться назад с денежным чистоганом, или приобретенными товарами. По этой причине, несмотря на ранний час, этим утром Осип Бабтин самолично, спешит на берег встретить сетевиков Леонтия Меркушова. Послал конноверхом он и своего помощника, беглого каторжанина Яшку Сахалина на Тунгусье. Тревожится, кабы чего доброго, ушлый шуленга эвенков не умыкнул, получается, от его по-

ловинного улова, сколько-нибудь свежо добытой рыбы.

Хмурое от ненастья, летнее утро. Сеет, почти в полном безветрии мелко-моросящий и нудный дождь. Осип, из-под накинутого капюшона лабошака, пристально вглядывается вдаль, в надежде разглядеть на отсыревшей, сизой глади моря, подход к берегу его сете-вой лодки. Пологим берегом он неспешно подходит к своему стану. Его догоняет впопыхах, среднего роста, лет двадцати, разбитной увалень Оська Хаба, редко именуемый деревенскими по имени. На его всегда за-спанном, а сегодня еще и побитом лице, из-за сине-лилового свежего фонаря под глазом, светится неприкаянно, кажется всегдашнее, виновно-вымученное раболепие перед хозяином. Несмотря на молодые годы, этот невзрачный с виду парень, уже давненько успел пристраститься к выпивке, благо ее на хозяйском дворе, пусть и при не столь завидном его положении разнорабочего, всегда избыток. Подвыпив, Оська Хаба, как всегда, становится завидное задирист и отменно драчлив, а протрезвев, привычно тих, невероятно ленив, и на редкость бестолковый. Но не за эти качества держит хозяин Оську на своем разросшемся в последние годы подворье. В любое время дня и ночи Хаба, обладает великолепной способностью доложить хозяину фактическое положение дел, как в его доме, так и хозяйстве. И порой докладывает такие подробнейшие сведения об умонастроениях, как семейства хозяина, так и о любом из работников по найму, о чем Бабтин не мог бы и догадываться. А потому, всего-то дворовый

разнорабочий Оська Хаба, глаза и уши незаменимые Осипа. Заслышав позади себя тяжелый топот, Бабтин нахмурился, и избоченившись, оглянулся и недовольно пробурчал:

– Ты, безмозглая скотина, где пропадашь?

– Я ета, шичас.

– Э! Да я гляжу тебе и рожу уже успели начистить?

– Да малось..., с каторгой разобрался.

– И канешно он тебе накостылял. Сколь разов далдоню, не связывайся с ним, в каторге, нечета тебе, силиши, што в моем мерине Воронке.

– Есиф Фимыч..., вчерась кавды Макся заезжал, то оне с Сахалином дивно квасили.

– Приказчик Филонаский што ль? И ты канешно не отстал, а об чем баили?

– Макся сказывал, мол, везет провиант тунгусишкам.

– Ну и што?

– Макся выпимши шибко хохотал и грозил подсолить своему Фильке, и те говаривал тожа.

– Мне?!

– Аха, ишо баил што сходит етот раз «Заморе», да с прибором кладет на Фильку.

– Все?

– Кажись...

– Во как!.. Интересно, интересно девки пляшут, но да ладно..., давай-ка воротись к Евлашихе, да приташишь наберег получетвертную. Ежэ ль фарт, дам знать, понял?!

– Угу.

– Ишо ета, проследи, што б она Сахалину подала только на опохмелку, и тебе чуток..., что ли. Боле не собирай, ты седни ишо мне нужен. Все! Давай поспешай шибче.

На берегу над костром рыбацкого стана, на одном тагане висит закопчённый до черноты казанок с уже приготовленной байкальской ухой, а вряд струятся белесо-бесцветными парами такие же закопченные дымными кострами, два ведра с чаем. С раннего утра возле стола под легким навесом суетится бригадная стряпка, помогает ей хлопотать помощница. Сюда долетает, доносится, откуда-то еще издали, знакомый всем здесь скрип лодочных весел, перебиваемый, или смешиваемый, то пронзительными криками чаек, то неугомонным и залиvistым лаем, под ногами безотрывно крутящихся деревенских собак. Голоса людей, на фоне затишья морского прибоя, то гложут, утопая в гомонящем разливе обилия звуков, то резко выделяясь отдельными, высокими тембрами, громко разносятся по округе. От приставших ранее к берегу сетевых лодок, тянутся вереницы рыбаков с носилками, сверкающими серебристыми горками добытого омуля. Кто-то, сторговавшись заранее, или только что, закончив торг, сносит ее к скупщикам. А те, кто рыбачит всего лишь за полцены по найму, несут ее своему хозяину, все к тому же скупщику, подчас в одном лице. Вот подошла и приткнулась к берегу лодка Бабтина. На рыбацких пристанях, деревенские бабы, разложив на разделочных столах все под теми же вре-

мянками навесами добытую рыбу, сноровисто умело начинают ее пластать и солить в лагуны. Им помогает, многочисленная, подростковая, деревенская детвора. Не смотря на затянувшуюся дождливую непогоду и ранний час, на берегу многочисленно пламенеют костры, густо уставленные частоколом свежих омулевых рожней. По их древкам течет, шкворчаще поддымливая, струится рыбий жир, и зернистыми каплями капает обильно наземь, вперемешку с внутренним рыбьим соком. Поднимаясь от костров, слоится, стелется далеко по-над берегом, кружит невидимо и витает, загустевши, в воздухе аромат вкуснейшего, ни с чем несравненного запаха омулевого, байкальского рожня. Под косую россыпь, мелким бусом сеющего дождя, Осип пребывает в томительном ожидании Филантия. Покачиваясь у самой кромки воды на носках ног, обутых в обильно смазанные нерпичьим жиром ичиги, он оценивающее оглядывает богатый улов своих рыбаков. Вышедшая из моря бригада Меркушова, уже высакала из сетевой лодки, снесла на посол хозяйскую половину, оставшуюся разделив, долевую половину сетевых пайщиков продала ему же, как скупщику, а вторую раскинула по личным мешкам рыбаков. Каждому досталось по три куля, готового к засолу и на варево в семьях свежо-добытого омуля.

Все еще не решив, скупать ли рыбу у других бригад сетевых рыбацких в Сухой, Бабтин пристально смотрит за работой засольщиц, ласково общается с ними и, обернувшись к старшей по возрасту Лукерье Нелюбиной, живо интересу-

ется:

– Чо бабоньки, седни подфартило..., слава богу?!

– Дык чо гневаться..., пластам, так ижно вся бравенна, да хрушка нонче папалася.

– Вижу, вижу..., и жирок будто ладно успела нагулять?

– Спаси Христос, чо сказать, и вправду седни мужички черпанули добренно.

– Тетка Лукерья, прошу тя рыбешку всю уприютить, край до полудни на-а поспеть.

– Фимыч, ты каво, мы дюжи, не сумлевайся, сробим! Тока, таскать-то ее все ж мужиков бы на-а к нам припарить. Вишь, лагуны-то каки матеруши, да тяжеленны.

– Появится Хаба, скажешь, мол, я велел Федьку Креста, да племяша его Ваську оторвать от работы с подворья. Пусть придут, пособят вам.

Осип, пребывая в состоянии избытка приподнятого настроения, обернувшись, встретился с башлыком, окидывая его довольным взглядом. Сегодня Леонтий Меркушов, не подвел ожиданий хозяина, и он намерен, почти весь свежий омулевый посол, сдать на парусник Филантия, этим же днем, уходящий в Иркутск. Филонов, не менее озабоченный привалом омулевого промысла, вероятно, тоже носится где-то здесь же по берегу, скупает добытую рыбаками рыбу, попутно напутствуя своего приказчика Максима Столбновского. Это он, загрузив парусник, должен незамедлительно отправится в главный город Прибайкалья с рыбным торгом. По-

управившись, рыбаки, приводят себя в порядок и подтягиваются к столу рыбацкого стана. Стряпка, как никогда приветлива и необычно учтиво обихаживает их. Разливает по артельным деревянным мискам наваристую уху, подает к столу суетливо с пылу с жару омулевые рожни. Сегодня стол вдобавок, ломится еще и от разнообразной хлебной стряпни и молочных продуктов, принесенных семьями рыбаков. Башлык Меркушов, на правах хозяина бригады садится во главе стола. Жены рыбаков, отставив засолку рыбы на время, так же умываются на берегу байкальской водой и, причесавшись, усаживаются за столом в ряд со своими мужчинами, по обе его стороны. Бригада дружно в один голос приглашает к столу и работодателя. Осип, степенно присаживается, в ряд с Леонтием. Оглянувшись по сторонам, он подает знак уже сидящему наискосок от него за столом Оське Хабе, и тот ставит перед башлыком получетвертную самогона. Мужики, передавая ее из рук в руки по столу, почти ополовинивают, наполняя посудыны, стоящие перед каждым из сидящих. Леонтий, разумеется, не был оратором, но при утихшей застольной суете, он торжествующее встает, и перекрестившись, важно и горделиво держит слово:

– Чо, паря ребята, сказать, седни, слава богу, добыли браво. И все ета канешна нашенским трудом, а гламно стараниями Осипа Ефимыча, так скыть его заботой об нас. Етось как его..., кланяемся Ефимыч мы тебе всей артелью. А посему случаю, так скыть и вовсе не грех – Леонтий, точно

споткнувшись, заморгал часто глазами, и коротко помолчав, завершил – Но давайте ребятки, все как один разом выпивам. . . , да бум здоровы.

Сидящие за столом, дружно подняли спиртное, и чинно чокаясь, правда все еще как-то скованно и не смело поддержали сказанное башлыком. Мужики, за исключением Леонтия, тот час же запрокинув самогон, едва слышно переговариваясь, жадно навалились на еду. Женщины, в основном при губившись, или чуть отхлебнув, становили почти не тронутую винную посуду обратно на стол, а то, и сдвинув ее чуть в сторону, старались не отстать в еде от мужской половины. Вскоре разлили по второй, и Осип держал ответное слово, как всегда распахнув жизнерадостно в лице широченную улыбку, лучисто искрящуюся, казалось из самой наилучшей синевы его голубых глаз:

– Мужики, да и вам бабоньки за труд рыбацкий благодарственно в ответ низко кланяюсь и всяческого благоденствия по эдакому случаю от всей души желаю. Но сами знаете, омулевый привал у нас паря шибко короткий. Так шта, мешкать некавды, давайте люди добрые по всей выпивам, сытно наедамся, да как гритса, день рыбацкай год кормит.

Он идет вдоль стола, наклоняясь то к одному, то к другому, чокается, говорит с ними ласково, но строго, весь светясь, все той же невероятно обворожительной улыбкой.

После второй, заметно скинув былую робость, застенчивость, или малоразговорчивость, собравшиеся за столом ры-

баки, живо, но в разнобой громко, все разом заговорили:

– Благодетель ты наш!

– Чичас откушав, курнем..., да гуртом подымамся...

– Ефимыч, не переживай, фарт ноне с нами!

– Нам не привыкать..., с измальства на море.

– Добыли, не сумлеваись..., ишо добудем...

– Вот те истиной крест, будет все как нать.

И уже кто-то, отхлебывая поданный чай, совсем не в тему вспомнил ночной плавеж и начал что-то рассказывать. Кто-то, нетерпеливо перебивает его, требуя внимания к себе, а кто-то уже заметно подпьяневши, оглядывает собравшихся за столом, почувствовав себя более чем свободно и раскованно. А кто-то по простоте своей, совсем не в лад сказанному кем-то авторитетно, но откровенно от души, закатился вольным смехом, и не исключено мнится ему, что это он был сегодня в лодке, самый удалой рыбак. Но башлык Меркушов, начальственно возвысившийся над столом, своевременно направляя в нужное русло пыл расслабившихся людей, и тем обрывает их нарастающее шумный говор:

– Так мужики..., делу время! Чо осталось разливам, да допивам. Курнем, и ходко идем на берег сеть набирать..., пособи бог хошь бы ишо денну сплавку справить. Митрич, не запамятуй..., нитку с иголкой захвати с собой. Вечор димно полотно полосонули. Рвань..., она сам знашь, другу за собой тянет. Защить бы местами следоват. А на вас бабоньки..., тока вся и надёжа, добыту рыбешку, как след уприютить.

Женщины, вполголоса переговариваясь, допивая чай, одна за другой поднимаются из-за стола. Мужчины, опорожнив остаток спиртного, начинают степенно пересаживаться на скамьи к догорающему костру, и сворачивая самокрутки, прикуривают от мелких, обуглено-дымящихся головней. Перекурив, через некоторое время рыбаки уходят и набирают сети в лодку, а жены их и дети еще долго будут продолжать, пластать и солить рыбу под становым навесом. У кострища на скамьях остались Осип и Леонтий. Возле них невдалеке на корточках присел Оська Хаба. Башлык докуривая, произносит:

– Ефимыч, мыслю к ушам добавить ишо тетивы... , чухаю, коротковаты заразы.

– Сколь надобно?

– Саженок с десяток. Сплав-то сажень тыщи с полторы поднасобирали. Вечер заприметил, вода к цветению зеленую шипка кроется. К вечеру по приметам погода разъясняет, ночью верховик, хошь малось, да толкнет воду от берега. Вот и кумекаю, седни рыба нако пошти што вся, будет верхова... , по то на наплавьях думаю с сажень привязку убавлять.

Осип вскинул глаза на помощника и тот в мгновение, выровнялся перед хозяином.

– Беги к Евлашихе... , да бежать-то погодь... , не статной! –

Осип обернулся к Меркушову

– Што ишо Леонтий те он должен захватить?

– Последних три конца, которы вчерась подвязали к спла-

ву, попусту ходят, заменить бы надо. Ячeya-то ихая будто бы ладна, да язви их в душу... , шипка уж густосад. Сажены оне не иначе, как на сильнушай понос..., по то и годятся, тока гля донного ставежа.

– Леонтий, все новехоньки сетушки, я надесь тунгусам спровадил. Моя промашка, надоумил же етот леший оймурскай, связаться с орочонами – и Бабтин вновь обернулся к Хабе – Оська, дуй не стой... , посмотри, сколь там Евдоха починила... , все каки есь табань суды. Ишо это, захвати-ка с собой омульков с десятков до дому... , моим, да Евлантьевне вели шарбу варить, рожни ставить... , домашних-то кормить тожа на-а – посветлел лицом он.

Оська Хаба развернувшись, неспешно отобрал покрупнее рыбу в мешок, закинул его на плечо и, свесив голову, кисьельно валовым увальнем покачиваясь, медленно пошагал в деревню, откуда ему на встречу из-за городьбы поскотиной скорым шагом вывернул, взмылено запотевший Филантий. Бабтин поднялся с места, и встретившиеся приятели, поприветствовали друг друга. Осип пригласил Филонова к столу, но упарившийся от утренней беготни, Филантий, да к тому же в насквозь промокшем под дождем лабошаке, присев на лавку, попросил не более как напиток холодной воды:

– Осип... , кажись паря, не все ладно у нас ноне сходится.

– Чо так? – Бабтин, в смутном предугадывание, округлив глаза, вскинув озабоченно брови.

– Ить ниче ноне никому доверить нельзя – Филонов до-

сладно шлепнул себя по колену ладонью руки и косо неприятно мелькнул из-под лобья глазами – сказывал ему проходимцу паршивому свезти тунгусам всяго-то не боле как провянт..., так нет же!

На братсковатом лице Филантия, крытом землистой серостью, точно болезненно скривилась явно усердная наигранность. С той поры как подошла рыба к Сухой, Максим Столбовский, приказчик его, по многочисленным заданиям Филонова, казалось, без устали сновал морем между Оймуром и Сухой. Как ранее и было договорено, Филантий велел ему еще прошлым днем доставить на сухинское Тунгусье охотничий припас, а главное продукты, и тем самым спасти эвенков от голода. Так нет, по словам Филонова: Этот пройдоха и наглец, каких "днем с огнем" не сыскать, решил видимо, скрыто подгадить хозяину. Нагло сославшись на то, что якобы не правильно понял его, отвез он тунгусам еще и сверх оговоренного немало спиртного». Узнав об этом Филантий, мол, рассвирепел и хотел, было, тот час же гнать его от себя, но поостыв и успокоившись, передумал.

Не с руки Филонову было рассказывать Бабтину, о том что, приказчик сам вероятно, того не ведая удружил «медвежью» услугу его новоявленному сопернику на сухинском берегу. Филантий понял, в разгар путины не стоит изгонять хоть и пакостливого, но способного, а главное самим же не без усердия выпестованного за долгие годы такого работника. Взвесив, все за и против, Филантий не стал опережать

события и разрубать до поры, до времени, завязывающийся узел неизбежных противоречий с приятелем-конкурентом. И он хорошо обмозговав все поспешил навстречу с Бабтиным, где, не столько решая общие хозяйственные заботы, сколько действуя опережающее, старательно отделаться угодливым сочувствием и всяческими сопереживаниями. Осип, точно оцепеневший от непредвиденного разворота событий, некоторое время ошарашенно молчал, затем с трудом пересилив такую парализующую заторможенность, удрученно обронил:

– Так..., значит, удружил ты мне нонче..., тунгусы вечёр перепимшись, в море не ходили. – Ефимыч, христом богом клянусь, не ведал, чо етот чертяка удумал сотворить! Да ради тебя, я седни же за эдакое самоуправство готов был его выгнать. Дык, некова ж в Иркутск то послать, сам знашь сколь добыли. Угробим богатенной улов, беда как неладно будет!

– Мово-то, много ль там... – упавшим голосом тяжело выговорил Осип.

– Много ль, мало ль..., а убытти не в дых никому..., наа думать – и Филантий продолжая притворно изображая сострадание, потупился глазами, и косо ухмыльнувшись, продолжил – Я вот чо думаю..., Максима мы завсе успем гнать в три шеи. Што есь, то есь..., делов пропастина наробил..., етих мать ти, леший бы его подрал. Ты ета..., напрасливо не шипко-то гневайся на мя..., лучшее много будет..., ежели поедешь сам к тунгусишкам, можа ишо не все так плохо там

подеелось..., как мы тута догадки свои лепим.

– Да я ужо поутру послал туды Яшку Сахалина – отмахнулся, было, сникший Осип.

– Ты каво..., ополоумел! Да твой каторга, скотина безмозглая наворотит делов там, пожалуй, почище мово приказчика! – взревел Филонов.

– А ить..., и верно ты пожалуй..., баишь... – пребывающий в раздумье согласился Бабтин, и в мгновение оживился – Однако паря и вправду поспешу ка я сам к Тыгульче.

– Поезжай, поезжай – плутливо блуждая глазами, наполненными тщательно скрываемым недоброжелательным злорадством напутствовал друга-партнера Филантий, отправляющегося на Сухинское Тунгусье, поднимаясь со скамьи. Расставшись с Филоновым, Осип, наспех переговорил с Леонтием о самом важном, безотлагательном и, повелев ему дневную добычу, как и ночную, сдать всю на парусник, спешно отправился домой седлать коня.

Глава 7

Первые дома в Сухой русские новоселы массового заселения строили в невероятно тяжелых условиях. Расчистка земли из-под леса, для строительства жилья и надворных построек велась вручную, и занимала от двух до четырех лет подряд. Затраты на постройку дома были равны затратам на разработку одной десятины земли из-под леса. Деловой лес, пригодный для строительства рубили в осенне-зимнее время. Ранней весной засекали для сушки на корню крупный и средний лес, одновременно вырубая подлесок и кустарники. Валка леса и строительство дома велось путем взаимной помощи родственниками, соседями, а так же плату за деньги. Чтобы поставить дом, необходимо было иметь немалые средства, а их то, как раз у новоселов, всегда не доставало. И хотя деловой лес для строительства брали в непосредственной близости от строящегося дома на корню, все равно его возведение велось подолгу. К тому же плотницкие работы проводились только в короткие периоды времени, осенью сразу же после уборки урожая и весной, до начала посевной. Другое время было занято в основном на полевых работах и рыбалке. Рубка домов велась «и в лапу, и в угол». Русская печь, как правило, занимала треть избы. Окна делались маленькими и вплоть до 90-х годов 19-го века затягивались скотской брюшиной. Остекленные окна в Сухой появились только во

второй половине девяностых годов, того же века. Дома строились обязательно обнесенные со всех сторон крепкими заборами, рубленными из не толстых бревешек забранных в пазы глубоко вкопанных вертикально в землю, лиственных, толстенных столбов. С уличной стороны придомовые ограды имели центральный вход с «глухими» воротами и калиткой. В просторных оградах ставили амбары, зимовья, летники и завозни с одним, или с двумя погребями, и обязательно легкие навесы для телег и саней. Для скота отводили специальные задние дворы, с постройками маленьких и больших стаек, сеновалов, и крытых соломой поветей. В огородах подальше от жилья рубили бани, чаще всего, черные. Получалось так, что жилой дом сухинского поселянина даже среднего достатка зачастую выглядел не особо приметным строением среди множества больших и малых, разного назначения построек. Но это не относилось к жилью тех немногих селян, кто в не продолжительный срок проживания в Сухой, разными способами сумел добиться определенной состоятельности в единоличном хозяйствовании. Таковыми были Осип Бабтин, братья Мушековы и Ненашевы, Иван Хамоев и Кирилл Лобанов.

По приезду в Сухую Бабтин, в отличие от большинства новоселов, не спешил с возведением жилья и более пяти лет ютился с молодой женой, сестрой младше его и матерью в землянке. Пропадая от зари, до зари на рыбалке, в поле, или в лесу, не щадил он ни себя, не семью, копил средства на воз-

ведение хорошего дома. Когда же взялся за стройку, то дом был срублен основательно добротным, под железной, четырехскатной крышей, с искусно вырезным карнизом, и этим он отменно выделялся среди, жилых строений соседей. Даже ставни окон и навесной карниз ворот и те у Бабтина выделялись такой же вычурно-замысловатой резьбой. Все строил и возводил он на века, потому, не то что дом и сопутствующие ему строения, а одни только уличные ворота стоили Осипу не меньшего труда и затрат, чем какая-нибудь захудалая деревенская избенка здешнего бедняка. И видимо от этого, в последнее время, приближаясь к дому, заимел он привычку, приостановившись, горделиво озирать и любоваться ладно, на зависть многим селянам, броско возведенным своим жилищным строением, но только не в этот, так огорчительно наступающий день.

Широким шагом, шагая по проулку от берега, Осип подошел к дому, и визгливо скрипнув калиткой ворот, рывком распахнул и захлопнул ее, за собой. В большой, просторной ограде при доме стояло множество хозяйственных построек, в том числе два зимовейных сруба. В одном из них, меньших размеров, именуемым по-деревенски привычно летником, обитала в некотором роде хозяйственная экономка Бабтина Евдокия Кобылкина. Во втором, больших размеров не особо подолгу задерживаясь, проживал всякий бродяжный люд, привлекаемый Осипом для дворовых работ в хозяйстве. Под навесом из старого дранья, по заранее выданному за-

данию Бабтина, дворовые работники Васька Коршун и его дядюшка Федька Крест, в недалеком прошлом оба уголовный элемент, продолжали неторопливо готовиться к сенокосной страде, ошкуривая топорами свежее срубленные черенки для сельскохозяйственного инструмента. Завидев хозяина, они бросили занятие и по ранее обретенным, тюремным привычкам вскочив, вытянулись перед ним, заложив руки за спины. Осип, остановившись, хотел, было, им что-то сказать, но всего лишь здороваясь, досадно махнул рукой, и озабоченный прошел в летнюю поварню, завидев в ней Евдокию и Оську Хабу. Евдокия, сидела на лавке, и развернув рыболовной сети дель, просматривала ее целостность полотна, набирая кружками одну из тетив на здоровенную свою руку:

– Ты как быдта сроду не едал. Это ж каку бяду, так не на сытно трескашь-то – скрипучим говорком, больше для видимости, ворчала она недовольно на Оську.

Это была дородная, русская женщина, лет сорока возрастом, вот уже более лет пяти, как овдовевшая. От природы, имея необычно крупное телосложение, к своему не столь частому, но не очень огорчительному удивлению и разочарованию, обладала она невероятной способностью воздействовать отталкивающе на противоположную половину человечества. Нет, она отталкивала их, не отменно выделяющейся физической силой, или каким-то еще там исключительно неприступным бабьим целомудрием, а всего-то совсем не

привлекательными чертами лица. Низкий лоб, под копной густых, вороненых волос на голове, повязанной платочком, глубоко посаженный лупоглазый взгляд, да еще и вдвинутый подбородок на скуласто смуглом лице, напоминали в таком ее облики, древнего человека неандертальца, о существовании которого, безграмотная Евдокия, конечно же, не имела ни малейшего представления. Но это отнюдь не мешало ей быть на подворье Осипа Бабтина, незаменимой, правой его рукой. И хотя до нестерпимости давно опостылело такое ей бабье одиночество, но она, не столь часто расстраиваясь по этому поводу, без сомнений верила, счастье ее еще все впереди. И вера эта искренняя укрепилась в ней еще больше, когда на хозяйском подворье объявился Яшка Каторга. С тех пор пребывая в невероятно томительном ожидании больших и скорых перемен в личной жизни, она, конечно же, как и всякая досужая до всего происходящего деревенская женщина, немного побаиваясь Яшкиного уголовного прошлого, да разве что чуть меньше злобного, звероватого вида, оказывала ему, при любом подвернувшемся случае, всякое заботливое внимание.

Оська Хаба стоял рядом с Евдокией, у стола поварни, и жадно откусывая от ломтя кра-юхи большущие куски ржаного хлеба, неистово хлебал из чугунного котелка деревянной ложкой, вечернюю, холодную шарбу. До отказа набивая рот и с трудом пережёвывая поглощаемую пищу, он отвечал ей, точно мурлычущий кот:

– А ты думала – ел! С имя наешь..., то поднеси ..., сё подай. А у Оськи ноги, руки одне.

– Да как же ты не ел! Уж не я ли тя с Яшинькой, утресь винцом потчевала. Да и потом ты ж тока што с берега воротилса..., там чо, побрезговали тя чо ли покормить? – возмутилась Евлашиха, встречаясь взглядом с входящим в поварню хозяином.

– Но ты и зараза..., прорва ненасытна... Чо, все натрескаться не можешь! Я кому говорил, направить Креста к бабенкам на берег..., а?! – округло вытаращил глаза, вскипающий злобой Бабтин, от чего Хаба испуганно съежился и принялся всячески оправдываться:

– Дык... ета..., я-то чо..., вон Евдоха, как ты велел, сеть ужо собирает.

– Гля кого-то может и Евдоха, а гля т-тя сопляка Евдокия Евлантьевна, понятно! – взревел еще больше разъяренный хозяин.

– Понял..., как не понять Есиф Фимыч...

Горбато съежившись, Оська прекратил есть. Бросив деревянную ложку на стол, он заискивающее раболепно пролепетал, вытирая губы рукавом, давно не стираной своей рубахи:

– Етось..., Креста с Васькой, я шичас же Фимыч на берег турну – и, скукожившись еще до меньших телесных размеров, наострился он прошмыгнуть, было к дверному проему.

– Ты погоду ка парень..., не суятись, попржимь-ка зад на времечко – остановила его Евдокия, и взглянув прямо и сме-

ло на Осипа, хозяйственно добавила – А ты Фимыч не шибко погоняй... Чо зад перед ходить..., соберу сетушки, вот тавды и пушай оне разом все гуртом шагают на берег.

– Ладно..., холера бы вас ..., тока пожал-ста Евланьтевна, живее – сгорая от нетерпения, согласился Осип, и все еще взволнованно и раздраженно размахивая руками, вышел он из поварни, отдавая попутно Хабе распоряжение седлать в дорогу немедля коня.

Путь его в дом, на высоком крыльце, окрашенном оранжево-ржавой охрой, преградил, пребывающий в полусонной дреме, большой, рыжий кот. Крыльцо прилегало к сеням дома, и было срублено под отдельной козырьковой крышей, с опорой на сруб, с фигуристо-резными стояками и перилами ограждения. По бокам лестничной клетки в бревенчатых стенах, оно обустроено было еще и полу арочными проемами. Старательно соскребая на крылечной скобелке прильнувшую к подошвам ичигов грязь, Осип пребывал в глубоких раздумьях. Вероятно, по этой причине он вначале всего лишь рассеянно уставился на развалившегося кота, как вдруг точно спохватившись, сильнейшим пинком ноги сбросил его с крыльца. Подлетевший кверху кот, протяжно вякнул, и проснувшись в полете, кувыркнулся и амортизировал на все четыре в лужице, скопившейся у крыльца, от сеющей с небес воды. Сбросив с себя в сенях, намокший под дождем лабошак, Бабтин вошел в дом.

Планировка дома Бабтиных не совсем обычная, какая до-

минировала в те времена в основном деревнях и селах Прибайкалья. В прихожем, гостевом углу, слева от входа на стене, вешалка для верхней одежды, гостевая лавка, дальше у окна лавка-коник хозяина, где он долгими зимними вечерами случается, плетет рыболовные сети, занимается починкой обуви, верхней теплой одежды, другими разными мелкими работами. У дощатой заборки отделяющий гостевой кут от горницы, деревянный, ладно смастерённый топчан. Справа от входа в избу куть, прямо входная дверь в горничную светлицу, с одним окном в ограду и двумя на улицу. В переднем, левом, красном ее углу иконостас с потемневшими от времени иконами старинного письма, с неясно различимыми ликами святых. Посредине горницы большой круглый стол, окруженный самодельной работы резными стульями, у стен две застланные пикейными покрывалами кровати, с высоко взбитыми на них пирамидами подушек. Это кровати матери Осипа и его сестры Марфы. Два года назад Марфа была выдана замуж за приятеля Осипа школьных лет, Сафрона Димова, и она как бы возвратившись, живет теперь в Кударе. Русская печь, смещенная к правой стене избы, занимает почти треть. Из горницы вход в запечный спальный угол супружеского ложа Бабтиных, с одним окном, смотрящим тоже на улицу. За печью разделяющей спальный кут и печной бабий угол, или куть, имеющую оконный проем с обозрением на скотный двор, неширокий проход, с полатью «ленивой» над ним. В куте шкаф с посудой, дощатый стол, при-

двинутый к стене, пара табуреток вокруг него. У кухонного входа, специальный камелек-загнетка с вытяжкой в печной дымоход для зажжения по зимним утрам и вечерам керосиновой лампы, свечи, а то и издавна привычной здешнему деревенскому люду лучины или жирника. Все помещения дома разделены дощатыми, набранными в закрой перегородками, высотой недостающие потолка. Окна остекленные, полы отличительно от других деревенских домов крашены охрой краской. Стены, потолок, перегородки белены известью.

Такая, или примерно такая планировка и внутренняя обстановка в домах, сегодня в Су-хой только у самых зажиточных ее жителей, которых не наберется и с полдесятка по всей деревне и этим тоже немало гордится Осип.

Машинально, но почтительно отвесив поклон, сын молчаливо поприветствовал старую мать. Дарья сухопарая, чуть сторбленная старуха лет шестидесяти, занимаясь приборкой в доме, подметала пол, березовым веником-голяком. Даже минувшие, немалые годы ее не-легкой жизни, не могли скрыть того, что в молодости, она отличалась невероятной красотой, которую унаследовал и ее сын, имевший с ней поразительное сходство обличем.

Дарья Петровна, в девичестве Дружинина, по материнской линии, приходилась родной внучкой коренного, сухинского уроженца Филиппа Филонова и правнучкой его отца Ев-докима, первопоселенца этого села. В близком родстве состояла она и с оймурами Филоновыми. Григорий Кир-

сантьевич приходился ей родным братаном, а Филантий, Евдоким и Герасим двоюродными. По отцовской же линии, она являлась так же двоюродной сестрой Гаврилы Дружинина, переехавшего из Кудары в Сухую в числе первопоселенцев.

Когда-то родители Дарьи, рыбаки Селенгинского понизовья, занимаясь рыбалкой на Байкале, безвестно сгинули, и ее уже достигшую совершеннолетия, временно приютил троюродный дядя, оймурский богач Архип Филонов. В то время в хозяйстве Архипа, батрачил поденным работником Дарьин односельчанин Ефим Бабтин. Тяготясь обузой вынужденного содержания нищего родства, Архип, при первом же подвернувшемся случае выдал Дарью замуж за Ефима. И хотя Дарья шла за него по согласию, нравился ей этот, заметно выделяющийся среди деревенских ее ухажеров, бравый видом и веселый нравом парень, но их совместная жизнь изначально не сложилась. Сколько имея общего в сходстве внешнем красотой, столько же разительно они отличались друг от друга характерами.

С детских лет, она, обладая невероятно волевым достоинством характера, имела склонность к излишней скупости, стремлению к скопидомству и обладанию любыми путями хозяйственной состоятельности семьи. Он же балагур и весельчак, первый гармонист на деревенских гулянках, не имел таких наклонностей, тем более жить прижимисто в ущерб своим вольным поступкам. С первых же лет совместной жизни, не проявлял он и верности к их супруже-

ству, и зачастую возвращался с увеселительных гуляний домой только с первыми петухами под утро, и в таких случаях нередко, в завязывающихся семейных скандалах, жестоко избивал жену. И все же прожив совместно более семнадцати лет, Дарья желанно родила ему двоих детей, сына Осипа и дочь Марфу и стойчески переносила все семейные и житейски бытовые неурядицы. И вот когда казалось Ефим, только, только начал становиться старательно работающим и домовитым хозяином, а сын подрастал ему помощником, ее давняя мечта, бывшая так близка к заветной цели, в одночасье рухнула. Как-то, в трескучие, крещенские морозы Ефим, чрезмерно поднабравшись в дружеской попойке, возвращался домой из Оймура и мертвецки пьяным вывалился из конских саней розвальней. Ее муж замерз в лютый мороз в мало людной, в такое время Кударинской степи. Но даже эта семейная трагедия не сломила волевою Дарью. Она по-прежнему старалась вместить все заботы в поддержание своего небольшого хозяйства и благополучие детей, питая большую, материнскую любовь, прежде всего к сыну и он, похоже, все ее чаяния и надежды на безбедную жизнь сегодня завидно хватко оправдывает.

Скинув в прихожей верхнюю, насквозь промокшую от дождя рубаху Осип суетно и торопливо прошел на кухню. Занятая здесь стряпней жена Елена, уже загребла клюкой в загнету жар углей в истопившейся русской печи, и принялась заметать хвойным помелом печной под. Она дохаживала по-

следние месяцы срока беременности, и это заметно обезобразивало, не обделенное природной женственностью и красотой ее лицо.

В отличие от Осипа, Елена на год моложе, родилась в состоятельной семье младшего брата Ильи Мушекова, Афанасия. Афанасий Мушеков, совместно с Ильей с юных лет занимался скупкой и торговлей рыбы и они заметно в этом деле преуспели. Свою мать, Елена не могла помнить, та скончалась, едва родив ее, а отца хоть слабо, но помнила. Тот не женившись вторично, однажды подхватив сильнейшую простуду, занемог и в одночасье скончался. Девочке не было еще и четырех лет, как она стала жить и воспитываться в семье дяди, Ильи Мушекова. Казалось бы, ее судьба в чем-то повторяла судьбу ее будущей свекрови, однако все произошло далеко не так. Дядя Илья был рачительным в хозяйствовании и очень заботливо сердобольным семьянином. Приняв в семью осиротевшую племянницу, он позаботился, чтобы и она росла и воспитывалась в тех же условиях, что и его три сына и родная дочь Афанасия. Братья, как и младшая их родная сестрица, ни в чем не стесняли приемную сестру и напротив всячески ее опекали, особенно Андриан. Осип Бабтин, в чем-то повторяя путь своего отца, в год его трагической гибели пришел подростком батрачить на подворье Ильи Мушекова. С Андрианом они были ровесниками, и проживая на одной улице знали друг друга еще задолго до этого.

Елена влюбилась в Осипа, при первом же знакомстве, а

когда окончательно она поняла подлинность своих чувств, то сама первой подошла к дяде-отцу Илье и заявила о желании своём, непременно связать всю свою дальнейшую судьбу только с Осипом. Илья, наблюдавший за всем происходящим с дочерью, будучи волевым и характерным человеком, не очень-то поспешил сразу, принять какое либо решение. Давно оценив природой данные Осипу качества смекалистого, дельного и очень старательного работника он неторопливо и обстоятельно узнал об его умонастроениях, и только тогда выбрав подходящий случай, завел с ним разговор о сложившихся отношениях его с Еленой. А получив, как ему казалось, достоверное подтверждение в обоюдности чувств молодых, незамедлительно благословил и обвенчал новую семейную пару. Сам с детских лет, познавший все тяготы нелегкой жизни батрака, Илья, оценил по достоинству жгучее намерение Осипа выбиться в люди, и выделяя его из своей большой семьи, обеспечил хоть и довольно скромно, но все же всем необходимым для самостоятельной жизни. Время спустя, не особо вдаваясь в мотивы необходимости, поддержал он Осипа и в горячем стремлении перебраться из Кудары на сухинское побережье. Сам по-прежнему занимаясь скупкой и торговлей рыбы, часто наведываясь в Сухую, обстоятельно и всестороннее оценил он все достоинства и перспективы здешних удаленных мест, и наверно поэтому, долго не раздумывая, согласился с желанием старшего сына Андриана, перебраться в Сухую на новое местожительство.

Поначалу Осип и Елена оба старательные и зарывно охочие до любого крестьянского труда жили в Сухой в мире и согласии, невзирая на все временные бытовые неудобства, лишения и трудности. Но потом начались разногласия и в первую очередь из-за того что Осип безустанно талдычил о никчемности их земного существования без наследника всех его помыслов и дел, а Елена на протяжении многих лет не могла понести беременность, и это невероятно угнетало жизнь молодоженов. К тому же, Осип всякий раз ревновал Елену к любому оказывающему ей внимание мужчине и с неизменным постоянством к другу с детских лет Антипу Обросеву. Случайно узнав о семейных размолвках Осипа с Еленой, Илья, как в исключительном случае придумал самолично и безотлагательно вмешаться в их жизненную разладу. Однако тем самым, он не только осложнил, еще больше супружеские взаимоотношения Бабтиных, но и свои с зятем. И хотя в текущем году господь услышал мольбы Елены, и она наконец-то понесла так долгожданного для их семьи ребенка, это нисколько не привнесло Бабтиным прежнего мира и согласия. Напротив Осип, все более одержимый в желание, во чтобы то, не стало жить богаче, не только своих компаньонов, но и уже так ненавистного ему тестя, становился заметно замкнуто холодным, все больше отдаляясь от Елены. А это, при ее беременности, переживать ей вдвойне было мучительней, тем более она на днях узнала еще и о мужниной неверности.

На плите парил в носок, мелко подергиваясь крышкой, только что вскипевший чайник. Присев к столу на табурет, Осип всего лишь холодно кивнул головой приветственно Елене, и обернувшись к матери, сказал:

– Мама, шипко тороплюсь, линула бы ты мне поскорее чайку горяченького.

Произнесенные Осипом слова обращения к матери, нестерпимо больно стегнули и без того уязвленное самолюбие Елены и она отвернувшись к окну неловко смахнула на-вернувшуюся слезу, замигав часто, часто большими красивыми глазами. Подавая беленый молоком чай и свежеиспеченные хлебные лепешки, мать, взглянув на сына, не осенившего себя крестом, старческим голосом повелительно про-скрипела:

– Будет те чаевничать-то антихрист хворый..., по-перва бы к образам оборотился.

Спохватившись, Осип обвернулся к переднему, красному углу горницы.

– Господи прости мя..., ить все бегом, бегом! – бормочущее вскрикивал он, крестясь размашисто, и мелкими глотками отхлебывал горячий чай.

– Куды опеть бежишь, как дикоплеший? – недовольно спросила сына мать.

Но Осип уже вскочил с табуретки и суетливо засновал по избе, переодевая исподнее, верхнюю рубаху, и натягивая штаны ответил суматошно матери:

– Мама, я ить ужо сказывал..., шипка тороплюсь. Вишь, заскочил мимоходом, сичас край на-а поспеть на Тунгусье.

Елена, обидчиво насупившись, молчаливо наблюдала за спешными сборами мужа. Торопливо одевшись, Бабтин махнул рукой и едва коснувшись, чиркнул торцом ладони по горлу своему, вспыхнув улыбкой горделивого восторга:

– Рыбешки паря нонче привалило во..., ей богу, пропастища! – и еще раз побожился.

Уже при выходе из избы, пробормотал он что-то не разборчиво, но вполне членораздельно дополнил к только что восторженное сказанному, проявляя заботу о семье, как глава её:

– Там на свеженину Хабулька должен был, принесть..., так варите, жарте, да ешьте.

Хлопнула входная дверь избы, а Осип уже сидел на крыльце и обувался.

– От-то мнечиньки, пособи те осподи, коль ладно все получатся! – радостно запричитала Дарья, набожно крестясь и осеняя тем же сына вдогонку.

– Знаем мы его привалы!.. – взволнованно отозвалась Елена, намекая свекрови на распутное поведение сына. И она плаксиво надув губы, обронила раздраженно и обиженно – Он мама, шашни крутит...

– Ты чего такое вздумала..., с кем ето он? – притворно удивляясь, переспросила старуха.

Сухинская деревушка небольшая, деревенская молва дав-

но чесала до всего досужие ба-бьи языки и мать Осипа, конечно же, была осведомлена об этом, не хуже других.

– С Нюркой трактирщицей.

– Эка бединушка..., а откуль прознала..., хто тебе успел тако нахлюпать?

– Каво хлюпать-то, кавды Авдотья Хамоиха намедни, ижно вся излорадствовалась.

– Ты девка, веры ей не шибко-то давай, она ишо та злыдня..., помело деревенское.

– Она-то хошь и помело, так ить и другие не молчат..., каждый норовит больнее укусить.

– От зависти Ленка люди чо хошь те наплетут, жить то, слава богу, куды с добром стали – помедлив, недовольно ответила старуха.

– Да не нужно мне в таком разе его добро, гори оно огнем полыменем! – и из её, в после-днее время бессонно измученных глаз, брызнули обильно бабьи слезы, так давно зреющего и наконец-то прорвавшегося душевного страдания. Она отбросила хлопоты по посадке в печь тронувшихся караваев хлеба, и обессилено присев у стола на табурет, глянула рассеянно в кружку, с так и не допитым чаем мужа, и горько зарыдала.

Дарья не согласная с ней, отшатнувшись, отвернулась. Гневливо всплеснув руками, она раздраженно хлопнула ими по костлявым бедрам своим и итожила разговор:

– Но, да не скажи, поживи с мое, да хлебни-ка голодухи...,

не то запоёшь, ишо милушка!

На ее вдруг построжавшем лице от нахлынувшего неудовольствия, еще более заметно проявившись, стали выравниваться, нервно подергиваясь, многочисленные складки морщин, пожившей уже немало на белом свете лет женщины, повидавшей предовольно всяких невзгод и множество самого разного, горького лиха.

Глава 8

Весь день Елена, как будто сама не своя пребывала в сильнейшем расстройстве своего душевного состояния и как тень, бестолково сновала из угла в угол по дому. Она ни где не находила себе места и не в чем применения, а если и бралась за что либо делать, то все у нее валялось из рук. На ее лице, припухшем от слез грустно поблескивали заплаканные глаза. Безразличным взглядом она скользила ими мимо всего и всякого, не задерживая ни на чем, своего отрешенно-рассеянного внимания. Такое, поникши упадническое настроение её, конечно же, не могло оставаться незамеченным свекровью. Разумеется, оно вызывало в ней одновременно и раздражение, и неподдельное беспокойство. Не скрывая досады тем на невестку, она скрипучим, старческим голосом занудливо ворчала:

– Докуль ты окаянная..., адали как приведенье будешь шастать?!

– Вам-то не все ль равно.... – отзывалась та «обметая» глазами меланхолично стены дома.

– Хм..., было б все рамно, молчала бы..., а то ж ты голу-бушка на сносях.

– И кака в том печаль ваша?

– Да в том-то и вся..., как не изводись, а о дите подумать те на-а! Легла бы хошь чо ли..., анафема ты хворая..., будет

те мордоватьса то! А и вправду, милушка..., приляг, полежи.

Елена, впадая в еще большее расстройство, не старалась перечить свекрови, уходила в спальный супружеский угол и ложилась на кровать. Но как только старуха покидала ее, вставала и продолжала бесцельно слоняться по дому. Дарью, занятую делами на кухне, это хоть и не доставало слишком, но тревога и не безучастие к душевному страданию невестки, все же взвинчивали ее. И старуха, преднамеренно гремя разной кухонной утварью, продолжала нарочито громко высказывать свое мнение на этот счет.

– Вот черти-то полосатые навязались на мою старость. Один черте знат, где носится сломя голову..., гля семьи ж стараться..., а ету..., спасу нет, ремность бяда как душит.

– Какая ж, ето ремность мама..., кака!? И пошто вы, мнето..., нисколь не верите!

– Дура, ты Елька, дура! Склоки ж ета, склоки..., бабье пустозвонство, и не боле! На твоём месте я б тока плюнуть схотела, да растереть на ихаих.

– Вам-то чо, не плюнуть..., вы ж сыночка словами эдакими выгораживаете, а мне ужо и моченьки никакой терпеть все ето нетука.

– Ой, нет, нет! Как вы надоели мне со своим бедламом, бардашные. Поеду ка я нако съ к девке..., на Кудару..., там хошь поживу наспокое, отдохну от вас чертей, окаянных.

Так для Елены прошел, протянулся, казалось бесконечно нескончаемой день, и наступил наконец-то вечер. А тем

часом возвращаясь с побережья после засолки рыбы, заглянули в дом Бабтиных двоюродные сестры свекрови, Александра и Анюта, дочери Тихона Филонова. Сославшись на недомогание, Елена отказалась с ними чаевничать, встретила с пастбища возвращающийся скот, и попросив в одиночку подоить Евдокию коров, присела на лавку у ворот, оставшись одна за оградой.

После сильных штормовых ветров и проливных дождей, над водной гладью угмонившегося Байкала, стелилась седовато-глянцева просинь, и точно тщательно отутюженная, ничуть не шелохнется и не всколышется. Летний, теплый вечер погружался в благоуханно окружающее совершенство идиллии природной, и обвораживающее нежно лепетал несказанной благодатью, хрустально тонко вызванивая высокими нотами своего пригожества.

По проулку к морскому побережью, неожиданно вынырнувший откуда-то сбоку из топкинских тальниковых зарослей, забавно чикиляющей поступью вышагивал, со всей очевидностью изрядно наработавшийся за день Антип Обросев. Завидев Елену, он приостановился и кивнул ей приветливо головой.

– Здорово землячка!.. Как поживаем? – участливо справился он.

Посеревшее от усталости лицо Антипа, казалось, озаряла какая-то смешливо блуждающая улыбка и Елена, словно споткнувшись об нее, чуть осеклась, откликнувшись в ответ:

– Здоровья и тебе..., Антип..., Демьяныч!

Сконфуженность и побледнение лица Елены не ускользнул от внимания Обросева, и он решительно подвернул к ней. Присев рядом, Антип глянул на нее. У той нервно подергивались губы, а из глаз вот, вот готовы брызнуть слезы и она порывается встать и уйти.

– Ты чего ета..., а?! – полный серьезности, участливо спросил он.

Елена с усилием подняла глаза и подрагивающим взглядом скользнула по его лицу. Над Антипом потрясающее привлекательно плескалась бездонная голубизна безоблачно лазурного неба. Дневное светило, неумолимо скатываясь «За-море», в своем ярком разливе вечернего свечения, точно золоченой аурой святого, лучистым веером плавилось над его головой и окаймляло тем торжествующее всю его ладно скроенную фигуру. Вечерний отблеск закатной солнечной неги, блуждая таким золотым расплавом и по его лицу, контрастно выразительно скапливал световые тени под длинно-ресничными веками Антипа. Они то и создавали эффект насмешливой улыбочивости Антипа и Елена облегченно вздохнула:

– Я подумала, што и ты туды же..., надсмехаться....

– Я..., надсмехаться..., ето ишо почему же и над чем?!

– То ты и не ведаешь над чем?

– Ах ..., вот ты о чем..., а не суета ли Ленка это длинно-языких?

– Чо хошь сказать..., брехня и наговоры людски про мово муженька?

– Брехня, не брехня, не охоч я дудеть чужу молву. На каждый роток не накинешь платок. Но скажу те ишо, хошь дело прошлое и дамно отболевшее, ты тока не гневливо восприми слова об етом..., была б ты моей, эх как бы все обернулось иначе!

– Не надо Антип, умоляю, не надо..., ты же хорошо знашь..., его я люблю одного.

Обросев чуть отшатнувшись от Елены, заговорил еще более горячо, восклицающее пылко:

– А коль баешь так..., то и ты не шипко-то сыпь себе соль на рану! Вот помяни мое слово, все у вас сладится, слюбится..., как у нас говорят, всяку болячку ить терпение лечит.

– За свое терпенье я не печалюсь..., тока соперница моя уж больно баба умная, да ловкая.

– То што умная, так то ж те на руку. Кавды ж ето Оська потерял, што имет. Так што не шипко-то горюй..., дай волю времечку..., у бога чудес много!

Антип поднялся и, как будто бы, сидя возле Елены на лавке, расстался он со своей усталью, легко и молодецкато поспешил вприпрыжку на берег, к морю.

– Антип, а с кем ты нонче в доле..., с кем рыбачишь?! – приподнявшись с лавки, проголосила вдогонку ему Елена. Не оборачиваясь, Обросев ответил уже на ходу:

– Ты чо..., не слышишь чо ли, хто ревет на берегу!

С морского берега до слуха Елены доносились, то одиночные вскрики воротовых погонщиков лошадей, то отрывистое взгаркивание, то зычное, но не вполне членораздельное людское многоголосье, а то и заразительно громкий смех. И все эти звонко-высокие, или басовито-горластые звуки, хаотично мечущиеся по побережью, тут же гасли, за поскотиной толокой, растворяясь в дикоросной непролази прибрежных гущ. Переместившись с Мочища, встал на ночную тень в устье Топкинского правобережья закидной невод Ивана Хамоева. Прислушавшись к обрывкам людского гомона на берегу, Елена посветлела лицом: «Видно там же, куда так поспешает Антип, должно быть, суетится и мой муж».

В след за Антипом, мимо погруженной в тягостно-невеселые думы Елены, точно пропорхнувшая стайка мелких птиц, говорливо просквозила местная, подростковая ребятня, спешившая на берег не иначе, как помогая взрослым, жечь там попутно все еще беззаботно и весело вечерний костер. Верховодили спешащими ребятами Кузька Власов и немногим младший его годами брат Васька, да не разлей вода дружок последнего Федька Трескин. Не успели смолкнуть ребячьи голоса, как не мене шумно-говорливой гурьбой, на помощь своим родителям рыбакам прошествовала на берег, более старшего возраста сухинская молодежь. Шедшая впереди цепочка девчат, взявшихся друг с дружкой под руки, непринужденно о чем-то весело говорила и смеялась. Елена безошибочно разглядела в ней статную, чуть полнова-

тую, с длинной, ниже пояса золотистой косой Ольгу Филиппову и темноволосую ее подружку Елизавету Дружинину. Чуть приотстав, валили за девушками нестройной толпой молодые парни, бравадно попыхивая доморощенным самоса- дом, приглушенно о чем-то переговариваясь, и взрываясь обрывистым смехом. Шли повзрослевшие ребята Ивановы, Ненашевы, Куржумовы и еще, вероятно кто-то из Чирковых. Семка Тетерин шел с Харламом Власовым и нес гормонь, небрежно на плечо ремнем накинутую.

А здесь, у ворот собственного дома, обнесенного глухим бревенчатым забором, витала обособленная, и только её сумбурная коловерт душевных страстей, исходящая, от разладившихся горько-сладких супружеских взаимоотношений с мужем. Когда в супружестве такие эмоционально психологические понятия, как верность и друг, в одночасье сменяются на измену, то душевное состояние любой женщины, подвергшейся такому испытанию, непременно наполняется неумемной ревностью и все ослепляющей яростью безотлагательной мести. Но такая беспощадная женская самолюбивая жажда неминуемо вызывает и собственное тяжелейшее самотерзание. Вот и Елена, казалось, уединившаяся от всех и вся, устало прикрыв глаза, сидела, полно погруженная в себя. А жгучая боль, исходящая от душевных мук, вызванная мелкими молоточками в висках, проявлялась в ее сознание противоречивыми переменами, то надеждой, то сомнениями, то горьким разочарованием в самых злобных по-

мыслах, а то и отчаянием, или уж совсем жуткой безысходностью.

Еще большей невыносимостью, стало полниться жестоко пораненное душевное состояние Елены, как только завиднелись на берегу горящие костры рыбаков и весело гомонящейся там молодежи, а до слуха донеслись тоскливые, точно рыдающие слова песни:

– Говорят мне люди, я стройна и красивая. Но к чему красота, если я не счастливая.

Если он изменил и с другою милуется. Если так нелегко мне одною горюется.

С нестерпимой болью прислушиваясь к красиво-певучим голосам молодых и жизнерадостных девушек, исполняющих глубоко страдальчески эту песню, но, без всякого восприятия и личного переживания, Елена еще больше уколола тем свое и без того раненное самолюбие и залилась слезами. Плакала долго, горестно и навзрыд, но потом не заметила, как прекратила и успокоилась. Горечь выплаканных слез принесла ей некоторое облегчение, и слушая игру гармоники и слова других тоскливо жгучих песен, звучащих невдалеке, она проявляла к ним, уже не то какую-то сдержанность, не то полное безразличие.

В седовато-кисейных сумерках надвигающейся ночи, в необъятном, бездонном куполе небес, исчезала безоблачная ясень, лазурно-благой чистоты промелькнувшего дня. В за-

меревшем безлюдье деревенских улиц расплескалась, до колодечного звона в ушах тишина.

Елена скинула с ног чарочки и, ощущая босыми ногами, невероятное блаженство от соприкосновения с земною твердью, почувствовала, как боль мучительных страданий начала постепенно покидать ее истерзанную душу. Струящиеся волны прогретого за день воздуха ласковой негой тепла касались ее оголенных икр, а ступни приятно холодила парниковая сырость обильно переувлажненной от минувших дождей земли. Возле бревенчатого забора, наглухо окаймляющего с улицы придомовую ограду Бабтиных, где жердевая изгородь стыкуется с ним, в молодых, свежо зеленеющих травах, сумрачно, желтовато маячило множество одуванчиков. Елена поднялась, и мягко ступая босыми ногами по приятно-нежной зелени, приблизилась и склонилась над ними. От цветов исходил едва уловимый, с примесью легкой горечи, медово-травяной запах. Она нарвала их, и без всякой премудрой затейливости сплела веночек а, возвратившись к скамье, водрузила его себе на голову.

Хлопнула калитка ворот и на улицу вышла свекровь, ее сестреницы и уселись рядом с Еленой. Заслышав песнопение, доносившееся с берега, Анна засветилась улыбкой:

– Эка чо бравенно-то го-ло-сят!

– Молодь..., имя чо не голосить..., а тут старость..., хвори разны долят – привычно ворчливо проскрипела Дарья. Но ее незамедлительно осекла Александра:

– Но, смотри ка..., беда уж как шипко-то ты остарела!

– Да будет вам, раскудахтались..., не ловчей ли, спеть и нам – урезонила сестриц Анна.

– Тажно Евдоху надо покликать – согласилась Дарья и обласкала глазами невестку – Вали Ленка живее, да зови-ка ее суды..., она-то уж бяду как бравенно вспеват.

Подоив коров и управившись с вечерними хлопотами по хозяйству, Евдокия, повечеряв, готовилась уже, было к сну. Несколько поупрямившись, она прихватила с собой бала-лайку и следом за Еленой вышла за ограду. Родственницы Дарьи, давно уже наслышаны были о семейной неурядице в доме Бабтиных и, глядя на посеревшее, заметно припухшее от слез лицо Елены, Анна, хитровато просияв лицом, запела сипловато-дрожащим голосом, ныне музыкально называемым меццо-сопрано, широко известную русскую песню, выводя, несколько занижено верхние звуки ее слов:

– Ах вы сени мои сени, сени новые мои,

Но молодым, более чистым, выразительно-красивым пением подхватила Елена в той же части звукового диапазона, и ее эффектно звучно поддержала Александра:

– Сени новые, кленовые, решетчатые!

К умелым и несбивчивым голосам Анны, Елены и Александры присоединилась низким контральто Евдокия. Старчески дребезжащей хрипотцой подхватила и Дарья:

– Вышла женушка краса, да за новые ворота,
мужа там она встречала, удалого молодца!

Особенно в этой заключительной строфе песенного четверостишья, еще более ниже, почти альтиком выводила звуки, ударно-восклицающая Евдокия. А остальные певуны, напрягши связки, вторили выше, разъединившись, как при хоровом исполнении, по голосам:

– Мужа там она встречала, ох...., да удалого молодца!

Спев эту не мудреную, но веселую и привлекательную в смысловом и словесном значении песню, певуны смолкли, точно прислушивающиеся к такому же звучному пению песен на берегу. Но Дарья, как будто бы забыла на время про свою старость и недомогание, молодежато подскочила с лавки и, раскинув широко руки, заходила по кругу, приплясывая и притопывая ногами, заголосивши частушкой:

– Меня бабку старую, завернули в тряпку.

Поливали день водой, чтобы стала молодой.

Выскочила на круг и Елена, и под залиvistый аккомпанемент балалайки в руках Евдокии, ловко и замысловато проделав босыми ногами женские плясовые «Па», зачастила:

– Я, бывало, всем давала, сидя на скамеечке.

Не подумайте плохого, из карманов семечки.

Сестреницы Дарьи выдали приятным, тонально не сбивчивым на слух, двуголосьем:

– Пойдем плясать, на ногах баретки. Будем ноги поднимать, выше табуретки.

Наигрывая удаю на трехструнном инструменте, не отстала от плясуний и Евдокия:

– Были с милым молодыми на море ходили.

Рыбу омуль добывали, и нужды не знали.

Наплясавшись и наголосившись частушками женщины, отпыхивась, и весело смеясь, гомонливо переговариваясь наперебой, возвратились и сели на лавку. После недолгой паузы молчания, Александра запела с отрывистым ударением в песенном междусловие:

– Поехал казак на далеку чужбин,

Легким невероятно сильным, особенно в обертонах возникающих из самых низких звуков, ведет она слова этой песни, то понижающее где-то до глуховатого полуголосья, то вскрикивающее почти до металлического звона:

– На добром коне он своем вороном!

Такому её выразительно-звнящему голосу, вероятно где-то даже ближе к меццо-сопрано присоединились, не менее красиво подпевая и остальные:

– Родную сторонку навеки покинул, чужую девицу он там полюбил!

Едва смолкло пение и этой песни, как Елена умиленно взглянула на Евдокию:

– Евдокиюшка..., а ты бы завела песню..., про ету, как ее, страшенну бурю на Байкале.

– Ну, што ты девонька, ето ж старинная песня, мужитска, поется она бяда как тяжело.

– Евдокия Дмитриевна..., но прошу тебя очень..., ты ж bravo ее ведешь.

– Спой Евдоха не упрямясь, другой мужицкай голос те и в подметки не годится – несколько заскорузло нудноватым тоном, поддержала невестку свекровь.

Прислонившись к забору, Евдокия отложила музыкальный инструмент и, набрав полно воздуха, объемно-бархатным голосом, звучащим от низов и до верхов глубоко, широко и густо, повела складно и певуче старинную песню байкальских рыбаков:

– На море лютует, ревет непогода. И ветер рвет парус, хлопбыщет волна.

Бубнящее рокотно лились песенные слова из ее уст, рисуя жутковатую картину штормового Байкала, тягуче-тоскливо, под стать обезлюдевшей при омулевой путине деревне.

– Тьма ночи сгущается, буря терзает. Гром с неба разверзся, блестит молынья.

А чайки в смятенях кричат и кружатся. И близок уж берег из каменных скал.

Рыбатскую лодку несут к нему волны. Как страшно, свирепо бушует Байкал!

Окунувшись сполна в рыболовецкую летнюю страду, жила в эти дни Сухая лишь одними ее заботами, согреваемая многообещающими надеждами на лучшее будущее.

Глава 9

Тыгульча с большой поспешностью возвращался из илэ-гир (пади) Илан Экнил. Сын китайского контрабандного золотодобытчика Ли Цзинсуна лечил от давнего недуга шамана Номоткоуля и упросил за хорошую плату для настоящих медицинских целей добыть медвежьи лапы и желчь. Однако следить зверя и становить ловушки с приманкой помещало дождливое ненастье, и ожидавший омулевого привала Тыгульча вынужден был отставить охотничий промысел. После ухода с охотничьей тропы Тыгульчи, шаман Номоткоуль сам взялся тропить охоту на медведя. Актэул и неизменный его напарник по охоте Курмукан, сопровождали шуленгу на отог, пребывающего в глубоких размышлениях. Бабтин Осип навязал ему кабально сделку, по которой Тыгульча, как наемный батрак обязался, с половины улова провести в Сухинском Подлесье омулеву рыбодобычу всего лишь тремя сетевыми сплавами, арендованными у него. Это унижало самолюбие шуленги, а главное связывало по рукам и ногам его самостоятельные действия, как в тайге, так и на море. Но он пошел на такую сделку. Ранней весной рыбаки его стойбища, занимаясь подледным ловом, непредвиденно потеряли большую часть стенистых морских сетей, незаменимых, прежде всего в летнюю омулеву путину. Сети ставили для поимки нерпы, по ноздревато-водянистому, проху-

дившемуся люду. Ночью с юга налетел, остервенело Полу-денник, промысловики спали в лодках, и запоздало отреагировали на то, как ледовое поле, сжимаясь в торосистые нагромождения, стало быстро разрушаться. Сделав в море, на глазах растерянных людей значительную подвижку, оно за считанные минуты широко распахнуло жуткую открытость, полой байкальской воды. В итоге к летней рыбалке Тыгульча фактически не имел ни одного стоящего сетевого сплава, да к тому же засуха и лесные пожары лишили людей его стойбища таежной охоты. Надвигающийся голод заставил пойти навстречу совсем не выгодным для него предложениям, выдвинутым Осипом Бабтиным.

Лэтылкэк встретила изрядно подуставшего мужа, и выслушав его размышления о намерениях и тревогах, предложила немного передохнуть, и не навязчиво посоветовала долго не размышляя поспешить в падь Кичэлинду, где на раскряжевке и штабелевке леса работали люди из их стойбищ. По ее мнению лесорубы стволовского участка Николая Долгих текущими днями и сами были бы не против отложить временно лесную рубку и для заготовки свежего пропитания заняться рыбалкой. Все взрослое и работоспособное население сухинского Тунгусья было занято троплением медведя и в Стволовой на лесозаготовительных работах. Поэтому три сетевых бригады шуленге организовать при всем желании не представлялось возможным. Однако Лэтылкэк не сомневалась в своем предложении мужу. Шуленга давно был знаком

с начальником стволовского участка заготовки леса к производству шпал для строящегося Транссиба и тоже ничуть не сомневался, Николай Долгих отличался не только недюжинным умом, подлинного профессионала в своем деле, но и исключительной порядочностью в человеческих взаимоотношениях. Поэтому Тыгульча поручил Уваулу из оставшихся на стойбище мужчин, подростков и даже детей постарше собрать одну сетевую бригаду, сам же с Курмуканом и Актэулом немедленно отправились в Кичэлинду и с помощью Долгих организовывать еще две бригады рыболовов, из числа работавших там тунгусов других лесозаготовителей.

К вечеру, как только Тыгульча сопровождаемый все теми же Курмуканом, Актэулом и двумя подростками, отплыл лодками от побережья Тунгусья, правя путь на северо-восток, к его стойбищу, преодолев брод реки, приблизились три конские подводы. Гужевой обоз был, гружен продуктами, охотничьим провиантом и спиртным. Сопровождаемый двумя работниками Филантия из Оймюра, да идущим впереди его приказчиком Столбновским, он выкатился на небольшую поляну, перед самой кромкой каменистого берега Байкала, как раз в то время, когда старик Уваул, да наспех собранная на стойбище бригада рыбаков, состоящая из двух стариков, и четырех подростков, набирала в лодку сетевой сплав.

В такое промысловое время Тыгульча не посчитался даже с тем, что принадлежавший к родовой старшине, хитрый,

но беспутный в любых делах Тымауль, вынужден был пойти рядовым рыбаком, под начало безродного, но смышлёного в рыбацком деле Уваула. Этот ленивый старик, пользовавшийся своим исключительным положением в стойбище, всегда заискивающий идвигающийся мелкой трусцой при шуленге, медленно приблизился вразвалочку горделивый и осанисто надменный на берег. Усевшись на каменистой гальке в ряд с лодкой, он то и дело понукал молодежь, и столь же периодически беспрестанно перечил, юркому не по годам, его же сверстнику, небольшого роста Уваулу. Старый рыбак Уваул, в отличие от Тымауля, хорошо знал рыбацкое дело. Умело перебирая сети, он проворно и сноровисто разбирает замысловатые западания цевков и гальков в садки тетив, как не редко и совсем мудрено-заплетённые в жеванные косички «титки» на ячеисто-сетевом полотне, и как всегда привычно отмалчивался от совсем незаслуженных выпадов Тымауля, да когда того требовалось завидным не многословием поправлял и поторапливал молодежь.

– Бог помощь люди добрые – раскланялся перед людьми стойбища Максим Столбновский.

Он широко улыбался в полный рот, белозубой улыбкой, на голом, как бабья грудь, без волосом, лице. Высокого роста, сухопарый, был он жилист и силен, а было Максиму от роду лет тридцать пять, никак не более. Спутники его, как и он, приодетые в лабошаки одного фасонного кроя, с накинутыми на головы от мелко-сеющего дождя глубокими ка-

пюшонами, недружно в след ему, в знак приветствия, что-то тоже буркнули. Уваул оставив дело, мелкими шашками зачастил навстречу приезжим.

– Менд лючи – сорвалось у него добродушно с языка, и он учтиво подал руку Максиму.

– Я от Филантия с Оймуру приказчик. Ваш хозяин заказывал... , вот как велено вам привез.

– Пасиба, оннако, моя дольжён перба сбой хозяйка гобори, чито тбоя пирьвезла – и Уваул ответно поклонившись приезжим, двинулся вглубь стойбища.

От услышанного, Тымауль негодующее вскочил на ноги, догнал и обернул Уваула к себе:

– Ты чо здесь командуешь! Тут я за старшего, я главный и решаю, что делать, как быть!

Той же минутой, недобрый гневом сверкнув глазами на Уваула, он живо не по годам обернулся к русским и охватил их прищурено настороженным взглядом.

– Моя будим псё сама мотреть, чито баша бози на отога – недовольно проворчал он.

– Чо смотреть-то! Че привезли то и вам. Вот на этой телеге харчишки, а на второй, твоим же охотничкам зелье. Разгрузайте! – и приказчик вначале было раздражено сломавший углом над глазами полудужье рыжеватых бровей, в мгновение изменился в лице. Как кот масляно прищурившись, он сменил тон недовольства на благожелательность и заговорчески, точно колдовски обворожительно, промурлыкал сладко

и приятно:

– А на последней, прям таки... , ех какой лечебной цимус!

– Чо така? – недоуменно переспросил Тымауль.

– Чо така, че така... – передразнил его Максим и добавил – спробуй, тавды и узнашь!

Эвенки несмелой толпой приближались к телеге, груженной деревянными бочонками, весом пуда по два каждый, поверх накрытые дерюжным куском холста. Максим обгоняя их, подбежав, откинул холст и принялся вырывать деревянный кляп у крайнего бочонка:

– Эй, ребята, подать суды черпак! – молодежато крикнул он своим спутникам, и вырвав наконец-то кляп, принялся наклоняя бочонок, разливать мутновато-белую жидкость в то и дело подставляемый черпак. Эвенки уловив летучий запах спиртного, сразу же оживленно загорготали на родном языке и каждый, отшагнув чуть в сторону, то звучно и смачно прицокивая, то бормоча невнятно, безотрывно и жадно вливали в себя содержимое черпака.

Не обидели себя и приезжие, но в отличие от аборигенов, русские к выпивке достали на закуску продукты, из числа предназначавшихся людям стойбища. На оживающий шум из чумов, из прибрежных кустов поспешили присоединиться к ним и другие члены отога, в том числе и небольшая орда очевидно никогда немытой детворы. Максим угощал самогоном всех, кто бежал, подходил к телеге, вплоть до подростков несовершеннолеток. Детям он щедрой рукой разбра-

сывал сладости. Вокруг стоял визг и невообразимый ор опьяневших людей, когда на тропе к стойбищу показалась, только что проводившая в Кичелинду мужа Лэтылкэк. Увидев происходящее, она на время опешила, как вдруг кинулась стремглав в чум, и тем же мгновением, вооруженная берданкой предстала перед Столбновским, у ног которого с протянутой рукой ползала косматая, седая старуха Айголик, жена уже мертвецки пьяного и совсем недвижимо лежащего на земле старика Тымауля. Она, широко открыв беззубый рот, редела протяжно, словно стонала или плакала навзрыд.

– Дай! Дай... мене! – вырывалось из рта ее, полу оголенное содрогавшейся телом.

Максим, в который раз было щедро, протянул ей спиртное, но Лэтылкэк вскочив на телегу, одиночным выстрелом выбила из его рук наполненный до краев черпак. Молниеносно передернув затвор и вогнав новый патрон, она уткнулась стволом оружия в его грудь.

– Русский, останови это безумие, иначе ляжешь здесь сам, и навсегда! – сказала она впопыхах грозно и разъяренно на родном языке. И Максим, в миг побледневший, точно полотно белое, со всей очевидностью, понял все сказанное без перевода.

– Говори чо делать? – сорвалось с его уст, знобко засодрогавшегося.

– Конь узда брал, туда вороти – она махнула стволом, указывая путь и направляя его на след, от едва заметной, давно

не ежжалоу дороуи, идущей в падуь.

От выстрела, на миг замолчавшее стойбище, вновуь громко взревев, накрыло отог все тем же разноголосым ором. Лэтылкэк направляя в нужное русло ситуацию с опьяневшей толпой, резким выпадом правой ноги с силой столкнула с телеги, изрядно початый бочонок. Толпа хлынула к нему. Максим развернув коня, повел его за узду, в сторону пади. В то же время жена шуленги, не сводя с него ствол, держала в одной руке оружие, другой же проворно и ловко подхватила вожжи. Стоя на телеге, она, вдруг грациозно изогнувшись с невероятной силой, обжигающе взгрела ими лошадь. Та, вздыбилась, вырвала повод из рук Максима и торцевым ударом оглобли, сбив его с ног, рванулась вскачь дорогой, ведущей вглубуь таежной пади Илан Экнил.

Максим после полученной кратковременной контузии, едва восстановив дыхание, тя-желю поднялся на ноги, и покачиваясь ошалело обвел вокруг себя помутившимися глазами. Сбитый и оглушенный сильнейшим конским ударом, он не слышал, как стих, и растворился в лесной чащобе, удаляющийся грохот тележных колес, ошинованных железом. Но в его слегка померкшем сознании продолжало отчетливо видится, как невдалеке на берегу, все так же, шаталась, ползала по земле и немым пьяным ревом голосила орда сухинского стойбища аборигенов Байкала. А в это время к нему уже спешили два его спутника. На их изумленно испуганных лицах, точно с такими же онемело открытыми ртами, завис

без ответно всего лишь один единственный вопрос: – Ета чо было?..

А он контужено, едва разжимая задеревенелые губы, так же немо, от все еще не проходящего шока, жалобно и вымученно разжал рот на землисто-посеревшем лице:

– Ка-жи-ысь, ета и не баба..., а суцай дь-я-вол!

Здесь же на дороге, присев на корточки и свернув дрожащими руками сигарки, закури-ли они, не понимая как поступать дальше, как через время до их ушей донесся нарастающий грохотный шум. И секундами позднее, прогремел он мимо их, со звенящим оттенком металла, издаваемым тележными шинами колес. Лэтылкэк резко натянув поводья, остановила взмыленного и глубоко водившего взмокшими боками коня. Спрыгнув с телеги, легкой пританцовывающей походкой подошла она к ним, покорно встающими перед ней, невероятно смелой, молодой и обаятельной женщиной. Все с тем же, не прошедшим испугом, они вынужденно отвесили ей мелкий поклон. Она же в ответ лишь холодно подчеркнуто улыбнулась им презренно уничтожающей улыбкой:

– Твоя, сопсем полхой лючи! Моя не можна гобори, ходи чум гости тбоя.

К ней, слегка покачиваясь, подбежал крепко подвыпивший Уваул, и она грозно сказала:

– Собери тех, кто не совсем упился, и ребятишек взрослее, посильнее. Нужно срочно раз-грузить обоз. Эти трое тебе помогут. И она, вновь направив винтовку на потрясенных,

и окончательно поверженных в безволие русских, продолжила грозно и повелительно:

– Телегим грузи дольжен тбоя обратно. Туда шагай, сторона не ходи. Моя стреляй, будим.

Лэтылкэк махнула стволом берданки, в сторону двух неразгруженных подвод. Уваул, первым засеменял стариковской походкой, а следом пошагали покорно Максим и остальные.

Через четверть часа, Максим и его товарищи, резво понужая лошадей, преодолели брод в обратном направлении, и остановились на болотистом левобережье реки Сухая. Максим спрыгнув с телеги, бросил на землю, как обжегшись, из рук вожжи. Остановились за ним и лошади его спутников. Оглянувшись в сторону стойбища и редко размахивая руками, он в бессильной злобе, все еще подавленно ошарашенный, хищно ощерился и выдохнул:

– Вот зараза..., змея под-колодн-на-я!.. Не! Да, это ж сушай..., это ж, раз..., разбойник!

И вдруг в Максима, словно расплавленным свинцом, проникло, глубоко обжигая внутри: и все изошренное сознание, и всю самую малую клеточку такого сильного, мужского его организма, ощущение полного бессилия и какого-то не проходящего страха перед этой, еще почти совсем девчонкой. А главное, по его представлениям – из числа кого?!

Вот именно! До нестерпимо обидного, из числа всего-то каких-то, столь презрительно воспринимаемых им ничтож-

ных инородцев. И он мысленно твердил, как какое-то заклинание: «Как же так могло случиться, он волевой, далеко не глупый, и не лишенный физической силы мужчина, привыкший в любых ситуациях постоять за себя, не смог противопоставить, какой-то там презренно ничтожной ороченке ничего?!». Вместе с тем удивляло его и то, что здесь за рекой на Мочище, размахивая от бессилия руками, едва преодолев парализующий железную волю страх, он вдруг безоговорочно отчетливо для себя уяснил:

«Она была явно сильнее его своим внутренним содержанием, сложенным из более сильного характера, чем у него и из еще чего-то совсем непонятного для его столь изощренной натуры». И вот это-то самое-то что, желал бы незамедлительно понять, при всем желании никак он не мог. Уму такого изворотливого дельца и самолюбца, в силу сложившихся поведенческих стереотипов его бытия давно в большом разнообразии людских сообществ, такое со всей очевидностью никогда и не станет осознаваемое понятным.

А это были обычные качества честного человека, порядочность, совесть и достоинство, и прежде всего, ее как женщины матери, наделенной еще и ответственностью, в том числе и за судьбы сородичей, столь низко и преднамеренно униженных Максимом поголовным пьянством и их беззащитной недееспособностью, противостоять такому изощренному злу.

Встретившись опустошенным взглядом с обозниками, как

и он все еще сотрясавшимся мелким ознобом от произошедшего, Максим, быть, может, впервые в жизни превозмогал самолюбиво осязаемую боль от всего то незначительного надлома, его привычного неизменного цинично-лицемерного состояния души. И от того он жалобно утробно и сдавленно, словно израненный волк, изрыгнул из себя жгучее горестные слова, похожие, не то на поиск незаслуженного сострадания, не то, не более чем на тоскливый вопль:

– Не-э... вы ета вид-да-ли..., а... вид-д-дали?!

И покачиваясь, подошел к телеге, подобрал вожжи, обесилено сел на нее и, свирепело, понукая, погнал лошадь. За его телегой, не отставали и лошади его спутников.

Глава 10

Яшка по прозвищу Сахалин, он же Каторга, в приподнятом настроении, в четверти версты от места впадения в Байкал, вершиным, преодолел конским бродом Сухинскую речку. Под ним яловая, смиренная кобыла четырехлетка Звезданка, вынесла его на крутоватый взлобок невысокого яра противоположного речного берега, значительно правее стойбища сухинских эвенков и он громогласно понужая ее, правил напрямиком к тунгусскому отогу.

Над байкальской тайгой просыпался утренний рассвет наступающего дня. Под речным яром, вплотную над белым кипением горной, говорливой реки, белесой паутиной копился и медленно сползал к Байкалу снежно-ватный туман. Там, еще больше сгущаясь, стелился он точно смятой, равно-клочковатой постелью, по-над притихшими от безветрия водами. Над головой Яшки сизо-пепельное, едва рассветное, дождливое небо, продолжало без устали сеять мелко морозящими осадками. И от того, довольно намокший брезентовый лабошак, стал дебелим, а небесная влага начала постепенно, но уже ощутимо чувствительно холодить тело его, хоть и разогретое с утра пораньше свежей порцией опохмелки.

С час тому назад, пощечинами и немилосердными тумачами разбудил Яшку хозяин и свирепо, и матерно ругаясь, велел ехать к тунгусам. Яшка, все еще пребывая в состоянии

глубокого похмелья, с трудом отправлялся в совсем нежеланный ему утрне ранний путь. Собираясь, Яшка смутно припоминал, как вчерашняя попойка, начинавшаяся с дружеской встречи с давнишним его приятелем Максой Столбуном, приказчиком Филоновским, продолжилась с не весть откуда-то взявшимся Оськой Хабой. Этот несносный тип Хабулька обладал невероятной способностью неотступно ходить за каждым, точно по пятам. И что самое поразительное, он отнюдь некстати безмолвно неожиданно появлялся там, где его не ожидал бы и никто. Казалось, выпивка-то только, только приобретала все более веселую задушевность встречи, но, как всегда этот зануда, принялся задиристо и драчливо о чем-то тупо нозить Яшке. При задушевных виночерпиях с друзьями Яшка не терпел скандальных ситуаций и, обладая не дюжиной силой, всегда пресекал их беспощадно, для чего он без лишних слов напрочь выхлестывал двумя, тремя свинцово-тяжеловесными ударами любых зачинщиков. Так Каторга поступил и на этот раз с Хабой. Для Яшки не показалось удивительным, что в продолжавшейся выпивке, не он и не его приятель, так и не заметили, как Оська, уползая избитый им, без лишних вопросов покинул дружеское виночерпие.

Но, а вот потом, а что было потом, Яшка помнил совсем слабо. Как во тьме всплывало в его мозгах последующие расставания с другом, выпили-то вечер немерено. Но все ж таки смутно, припоминал, что Макса, кажется, гостил у него

за вечер дважды, при том скулил, как самая что ни на есть побитая собачонка, что мол, был унижен и «опорафинен» какой-то еще там тунгуской, и Каторга непременно обещал разобраться с ней. А потом он проводил гостя и по жутко непроглядной, ненастной тьме непонятно зачем потащился он еще и к Евлашихе. Нет, он, конечно же знал зачем, но эта здоровенная, русская баба, видимо чем-то очень тяжело увесистым приложившись к Яшкиной голове, разом пресекла неожиданно вспыхнувшие в нем всякое вожделенно любовное мужичье намерение.

Несомненно от случившегося вечернего того недоразумения, сегодня поутру, Евдокия как не смазанная лодочная укрючина, скрипуче-надтреснутым басом, долго и нудно выговаривала ему Яшке Сахалину самые обидные, но похоже все же больше нарочитые слова, когда принесла поллитровку на опохмелку. Нет, он, конечно же, и не пошел бы к ней вечер, если бы не стал запримечать, как она, давненько хозяйствующая на подворье Осипа Бабтина, одинокая многих лет вдовица, всегда такая неприступно-суровая и строга с другими, с некоторых пор стала к Якову несколько особо снисходительна и добра. Да вот беда, закоренелый каторжанин Яшка Сахалин, так и не поимевший с молодых лет никакого опыта общения со слабой половиной человечества, не умел разговаривать с женщинами по трезвому и потому быть может-то и, решился приблизиться к ней, только осмелев после вчерашней попойки. Нет, он не имел в голове, каких-то там

зло обидных намерений, как впрочем, и не был способен поразмыслить над тем, что Евдокия, хоть человек и с довольно грубым складом характера, все ж таки женщина и вполне могла ожидать от него, совсем иного подхода. Но так уж получилось, что к обоюдному их сожалению, Яшке Сахалину, с ранних отроческих лет привыкшему жить не по-людски, и любой житейский вопрос решать не иначе как силовое принудительно, этого, как раз, и не дано было знать.

И от того он сейчас, безнадежный и ограниченный тугодум, пребывая не очень-то в напряженных размышлениях, затуманено распутывающий на хмельную голову, как ему казалось, клубки какой-то всего лишь не совсем складной, но забавной ситуации, не заметил, как совсем неожиданно для себя, очутился на тунгусском стойбище.

Перед Яшкой, у самой кромки каменистого берега Байкала, предстала на берегу реки, все та же небольшая лесная поляна, где вчерашним днем Максим Столбновский, преднамеренно спаивал эвенков. Там мало что изменилось после вчерашних событий. На поляне по-прежнему валялся порожний бочонок из-под спирта, а рядом с ним, тот большой деревянный ковшик-черпак, из которого угощал тунгусов спиртом Максим. Далее на каменистом берегу Байкала, все так же одиноко стояла, так и с набранными сетями морская рыбацкая лодка. А в лодке на сетевом полотне, принакрывшись обрывком дерюги, мертвецким сном спал старик Тымауль. Его же старуха Айголик, с непокрытой непри-

глядно вскосмаченной головой седых волос, сидела почти у самого среза байкальской воды и насквозь промокшая от дождя, периодически взывая по-волчьи, невнятно бормотала что-то на родном языке. Яшка решил было направиться к ней, но увидев, как по каменистому берегу к нему приближается человек, проворно спрыгнув с коня, пошел навстречу. Это был старик Уваул. Приблизившись вплотную, тот отвесил низкий поклон русскому.

– Менде лючи! – приветствовал он и, не дожидаясь ответа, справился – Тынэвэ ахилтана хэкухи вэ (вчера вечером водку), но ет огонь бода на отога тбоя бози..., была?

– Ты хто..., чудило?!.. – злобно и унижающе эксцентрично прервал его Сахалин.

– Моя? Не..., ет Уваул гэрбив (меня зовут) – добродушно произнес старик, и продолжая на родном языке, миролюбиво призвал Яшку называть его, все ж таки по имени.

От Уваула, так же как и от Яшки Каторги, в эту злосчастную минуту бледнеющего от закипающей злостной ярости, нещадно разил спиртной перегар.

– Да мне нас..ть как тя зовут! – взревел Сахалин и дико вытаращился на него.

Свирепо схватившись за отвороты одежды эвенка, Яшка встряхнул старика так, что у того в мгновение окончательно протрезвевшего, перехватило всякое свободное дыхание:

– Ты мурло не мытое, говори, где рыба добыта, и как его..., етот ваш..., ороchon гламнай?

– Моя сопсем не знай ..., почто тбой така худа гобори. Моя знай, один хозяйка, а гыде чичаса... – обрывками фраз задыхаясь, прохрипел Уваул.

– Где..., где хозяйка твоя ..., показывай?!

– Пусти черта нэлэвсипчу (страшный)..., задавила сопсем – все, также хрипя, пытался выскользнуть из железной хватки стальных объятий Яшки Уваул.

– Удавлю..., отвечай, где она?! – в бешенстве орал Сахалин, округлившись дико глазами.

И вдруг в который раз, приподняв придушенного старика, он с силой отбросил его в сто-рону и шагнул к первому, попавшемуся на его пути чуму. Это было жилище шуленги.

У Уваула, упавшего плашмя, всем телом на каменистую россыпь, от сотрясающего сознание удара, разом все померкло в голове, а из носа и ушей, обильно хлынула кровь. В то мгновение Яшка, не оборачиваясь, уже открывал дверцу чума и увидел женщину, сидевшую на кумолане, пребывающую в призывной позе обращения к земным и небесным духам, покровителям стойбища.

Звук неожиданно распахнувшейся дверцы заставил её отвлечься и вскинуть взор на во-шедшего русского. Его звероподобный и не в меру озлобленный вид, не предвещал ничего хорошего. В молниеносном прыжке, словно пантера, она уже дотянулась до оружия, и в следующее мгновение, спустив с предохранителя, направила его в сторону непрошенного гостя. Яшка, действовал аналогично, и в каких-то,

быть может сотых долях секунды, опередил ее. Левой рукой он отвел ствол в сторону, а ударом правой ноги, нанес сильнейший удар, способный свалить с ног и молодого бычка трехлетку. Громом прогремел выстрел, пуля, прошив дверную окосячку, ушла в «молоко», а на полу с разбитым лицом лежала, поверженная Лэтылкэк. Каторжанин, резко оглянувшись, схватил с маленького столика жестяное ведро с водой, и выплеснул ее на лицо недвижимо лежавшей женщины. Та застонала и открыла глаза. Яшка, отбросив ведро, склонился над ней.

– Чо, ожила? Ишь ты..., ишо придумала стрелять! Я те постреляю... – дыша прерывисто, как загнанная лошадь, густо сабривая речь самым похабным матом, проорал истошно Сахалин и невольно остановил свой яростно-злобный взгляд на лице эвенки. Даже сейчас, в кровь разбитое, но природно не обделенное роскошной красотой, оно казалось, лучилось изумительно-утонченной привлекательностью и потрясающей женственностью. Однако любоваться женской красотой, свирепый каторжанин не привык. Тем более, его жертва вызывающе ненавистно молчала, и не отводя своего раскосого взгляда, смело смотрела ему прямо в глаза. Да так! Что заскорузло кровожадный уголовник Яшка Каторга, не выдержав, потупил и отвел в сторону, свой холодно-стылый взгляд, невыразимо задубелого, матерого убийцы. И вдруг его тяжело тугодумное мышление осенила догадка, преисполненная приливом еще большего приступа ярости и зло-

бы:

— Ах..., так это ты..., ты сволочуга, вчерась забижала мово дру-г-га-на?!

Лэтылкэк, все так же молча плюнула ему презрительно в лицо, и понимая какой угото-ван финал их такой жуткой встречи, равнодушно отвернулась. Взбешенный еще больше, каторжанин, уже занесший для убийственного удара кулак, неожиданно передумал, схватил и бросил Лэтылкэк на постельную лежанку, где обычно любил передохнуть, оторвавшись от дел ее муж. В следующее мгновение, он молниеносным движением, с треском сорвал с нее одежду и резким, очередным ударом прекратил всякое ее сопротивление. Лэтылкэк вновь потеряла сознание, но в остекляненном отражении ее открытых глаз, где застыл весь ужас произошедшего избиения, мелькнули, и уличный свет, ворвавшийся в распахнутую дверь, и тень молниеносно приближающегося к ним в прыжке человека. На этот раз изверг, не успел и обернуться. Такой же сокрушающей силы удар, каким обычно повергал в безсознание всех своих противников Яшка, повалил и его в какое-то мгновение, как рухнувшее в ветровал дерево, в один ряд с Лэтылкэк.

Уже на открытом воздухе, куда ее бережно вынес Тыгульча, Лэтылкэк очнулась. Вокруг стояли сородичи, прибывшие с мужем, после ночного рыбацкого плавежа. Завидев их, она со стоном попыталась стыдливо прикрыть наготу останками рваного своего же одеяния.

Но кто-то из сородичей уже участливо подал воду и Тыгульча принялся с необычайной заботой приводить жену в порядок, с особой осторожностью омывая, прежде всего раны на лице. Понимая состояние Лэтылкэк, ее излишнюю стыдливость и беспомощность, Тыгульча подал знак, и рыбаки стойбища тихо и незаметно оставили их наедине.

Она благодарно окинула взглядом мужа, как вдруг вспомнив о произошедшем, спросила Тыгульчу встревоженно и чрезвычайно озабоченно:

– Он ..., он....., где?!

– Там, в чуме – успокаивая жену все еще больше жестами, чем словами ответил Тыгульча. Лэтылкэк проворно привскочила и, глухо застонав, обрывисто произнесла:

– Э..., э ..., зачем ты его там оставил..., он же..., он же, очень опасен!

И в это время дверь чума с треском разлетелась, лучинисто расщепленная на дощатые обломки. Вывалившийся из дверного проема Яшка Каторжанин сжав кулаки, с диким и глухим рычанием набросился на Тыгульчу. Делая молниеносно-поочередные выпады руками и ногами, он пытался достать, и сразить наповал, как делал это не единожды в драках, ненавистного ему тунгуса. Но тот заметно уступая ему, как в росте, так и в весе, не говоря уже о физической силе, мелкими шашками отступая назад, проворно уклонялся из-под всесокрушающих яшкиных ударов. Это, конечно же, привело нападающего в некоторое замешательство. Разъ-

ярённый как бык, Яшка, всего лишь на какой-то чуток, замедлил движения, а изловчившийся Тыгульча в ловком, проворном броске, ударом головы снизу вверх, угодил ему в нижнюю челюсть, и тем самым сразил, повалив наземь. Однако Яшка хоть на мгновение и выхлестнувшийся сознанием, был все же телесно гораздо крепче, чем его противник и выдержал удар. Вскочив на ноги он, словно медведь подранок вздыбился еще более агрессивно перед эвенком, но как, оказалось, совершил непоправимую ошибку.

Прирожденный охотник, шуленга сухинских эвенков, не раз, вступавший в поединок с настоящим медведем, как будто бы этого и ждал. Выхватив охотничий нож, он свистящим взмахами и резкими выпадами клинка, нанес, не заостренной его стороной, отражающие удары по локтям рук и кулакам Яшки. Затем наступая, молниеносно повторил замысловатые движения, и с той же виртуозностью, полоснув воздух, чуть коснулся лезвием горла противника. Яшка, едва ощутив ожог соприкосновения с металлом, оторопело остановился, и Тыгульча продолжая молниеносные движения своих рук, вдруг уткнувшись носком клинка в живот каторжанина, замер в боевой стойке неминуемого нанесения того последнего, и без всяких сомнений единственного, смертельно-поражающего удара.

Яшка Сахалин утробно икнул, как-то в миг обмяк, и неожиданно опустив руки, и голову, покорно сел прямо перед ним, на каменистую россыпь побережья. Тыгульча пере-

хватив разом погасший взгляд противника, улыбнулся и замиряющее тихо произнес:

– Прабильна,... а то брюхо тбой..., кишка делай, будим сопсем долой!

Все произошло на глазах у Лэтылкэк, и она пребывала в восхищение и невероятной гордости за своего мужа, защитившего ее женскую честь, и их человеческое достоинство.

Глава 11

Старый саврасый конь, на котором восемь лет назад приехал в Сухую Осип Бабтин, по мере становления состоятельности своего хозяина, все реже и реже запрягался в ежедневный хомут конского труда в крестьянском хозяйствовании. Осип любил этого старого конягу, когда-то приобретенного отцом еще совсем малым жеребенком. Любил, не столько за внешний, стройный вид скакового рысака, сколько за способность ходить на зависть многим послушно и под седлом, чем, нежели выполнять обязанности обычной, ездовой лошадки. Все минувшие дни, Савраска привольно пасся на Топкинском побережье, в задах хозяйского подворья. Поймать его сразу же Оське не удавалось, конь был не стреножен, и за неделю вольной пастьбы заметно поправился. Однако Хаба загнал его в поросшую густым тальником неглубокую ложбинку, располагавшуюся близ ворот скотного двора Бабтиных, и ухватившись за гриву, ухитрился накинуть на конскую морду недоуздок. Скармливая прихваченный с собой кусок хлеба, Оська, привел коня на скотный двор и под навесом конской повети, крытой кладкой ржаной соломы, оседлал, и услужливо подвел к крыльцу, угадав, когда по ступенькам будет сбегать хозяин. С легкостью вскинувшись в седло, Осип выехал со двора, в широко распахнутую Оськой калитку ворот.

Еще с раннего утра, от предгорий Сухинского побережья заметно прибавляя начал све-жо давить Верховик, так здешние байкальские рыбаки именуют прибрежный ветер местного значения. Он незаметно, но неуклонно обрывал сизо-серые покровы ненастного неба от невысоких сухинских гор, все больше и чище оголяя свежую синь горбатых контуров их. По неглубоким распадкам косогоров извиваясь по-змеиному, поползли вверх теплые испарения дождливого ненастья. Струясь белесой поволокой, они, неудержимо отрывались от чрезмерно увлажненной земли. Мелкий дождь при легких ветровых порывах, то прекращал, то снова продолжал заунывно сеять небесную влагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.